

КОРОЛЕВА МАРГО

I

ЛАТЫНЬ ГЕРЦОГА ДЕ ГИЗА

В понедельник, 18 августа 1572 года, в Лувре справлялось большое торжество.

Темные обыкновенно окна старинного королевского замка на этот раз были ярко освещены, а прилегающие площади и улицы, всегда быстро пустевшие с того момента, как колокольня Сен-Жермен-л'Оксерруа возвещала о наступлении девяти часов вечера, на этот раз кишели народом, несмотря на то, что уже наступила полночь.

Вся эта тесно сплоченная, шумная, грозная в своем объединении масса в наступившей темноте походила на бурное море, вздымающее свои клокочущие волны. И это море, изливаясь на набережную, улицу Фоссе-Сен-Жермен и улицу Астриус, своим прибоем билось о стены старого Лувра, а отливом омывало подножие дворца Бурбонов, стоявшего напротив.

Чувствовалось что-то грозно-стихийное в этой тесно сомкнувшейся толпе народа, не помышлявшего о том, что сегодняшнее торжество, в котором он являлся простым зрителем,— лишь незначительная прелюдия крупной драмы, которая разыграется через неделю, драмы, в которой и он примет горячее участие.

Двор торжественно праздновал бракосочетание дочери короля Генриха II и сестры короля Карла IX, принцессы Маргариты Валуа, с Генрихом Бурбонским, королем Наваррским.

Этот брак немало удивил всех, а тех, кто был подальновиднее, заставил к тому же и призадуматься. Уж слишком непонятным было соединение представителей столь ярко враждующих партий, какими были в это время партии католическая и протестантская.

Невольно напрашивался вопрос: будет ли в состоянии молодой принц Конде простить брату короля, герцогу Анжуйскому, смерть отца, убитого при Жарнаке капитаном Монтестью? И одновременно вставал второй вопрос: простит ли герцог де Гиз адмиралу де Колиньи смерть

своего отца, умерщвленного в Орлеане неким Польтро дю Мере? Более того: отважная Жанна Наваррская, супруга слабохарактерного Антуана Бурбонского, приехавшая вместе с сыном, чтобы присутствовать на его бракосочетании, месяца два тому назад вдруг умерла. И эта внезапная смерть породила немало толков вокруг...

Из уст в уста неслась молва, что эта смерть далеко не случайна, что покойная королева Наваррская нечаянно перехватила один из многочисленных секретов Екатерины Медичи и что та, опасаясь нежелательных последствий, отравила королеву Наваррскую при помощи душистых перчаток, изготовленных флорентийцем Рене, великим мастером на подобные дела.

Но этим еще не исчерпывалось все: за этот брак особенно стоял король Карл IX, имея в виду, что он не только внесет мир в страну, но и привлечет еще в Париж видных главарей гугенотов. В своей настойчивости король доходил до болезненного упрямства. Так как невеста принадлежала к лону католической церкви, а жених — к реформатской, то на этот брак необходимо было получить разрешение Папы Римского Григория XIII. Но нетерпеливо ожидаемое разрешение все не приходило. Эта неизвестность, так же как и задержка, страшно волновали покойную королеву Наваррскую. Однажды она выразила Карлу IX свои сомнения относительно того, что разрешение когда-либо будет дано. Но король ответил на это:

— Не беспокойтесь, дорогая тетушка, я чту вас выше Папы и свою сестру люблю сильнее, чем боюсь его. Я не гугенот, но в то же время и не дурак. И если всемилостивейший Папа будет слишком долго артачиться, то я сам возьму сестрицу Марго за руку и поведу ее к венцу, невзирая на все клерикальные тонкости.

Эти слова быстро разносились по Лувру, а вслед за тем не замедлили распространиться и по всему Парижу. Гугеноты возликовали, но добрые католики не на шутку опечалились и призадумались, стараясь разрешить таинственную загадку: действительно ли Карл IX отступается от них или же только ведет какую-то непонятную пока игру, которая в один прекрасный день разрешится самым неожиданным образом.

Поведение короля казалось особенно странным по отношению к адмиралу Колиньи, который уже лет пять-шесть достаточно враждебно относился к Карлу IX. Король, оценив ранее голову своего врага в сто

пятьдесят тысяч экю, в настоящее время только и делал, что восхвалял его на все лады, называл своим отцом и громогласно заявлял, что отныне он лишь ему одному поручит пост главнокомандующего войсками.

Встревожилась и призадумалась над страшными намерениями короля даже сама королева-мать, всесильная Екатерина Медичи. До этого времени Карл IX был лишь безвольным, послушным орудием в ее опытных руках, всецело подчиняясь авторитету матери. И действительно, основания для беспокойства были, так как Карл IX в минуту откровенности так высказался адмиралу относительно войны с Фландрией:

— Отец мой, примите к сведению, что в этом деле надо очень и очень поостеречься вмешательства королевы-матери: она, как вам известно, любит всюду совать свой нос, и если только она что-нибудь проведает о наших планах и замыслах да вмешается в них, по своему обыкновению, то все у нас пойдет прахом.

Но Колиньи, несмотря на всю свою мудрость и опытность, не решился удержать в абсолютной тайне такое безмерное доверие. Правда, он прибыл в Париж с большими сомнениями, но они мало-помалу рассеялись, как рассеялись и подозрения его зятя де Телиньи, тоже обласканного королем. Карл IX называл Колиньи «отец мой», а де Телиньи звал «брат мой» и обращался к нему на «ты»; это была честь, которой удостаивались лишь самые близкие, самые избранные друзья.

Большинство гугенотов были совершенно успокоены и очарованы лаской. Сомнения продолжали жить в сердцах лишь самых закоренелых скептиков и пессимистов. Однако всем подозрительным фактам были найдены логическое оправдание и объяснение. Так, смерть королевы Наваррской была приписана разрыву сердца. И величественные залы Лувра заполнились шумной толпой бравых и доверчивых протестантов, которым брак их юного короля сулил неожиданное обогащение.

Все главари партии: адмирал де Колиньи, Ларошфуко, молодой принц Конде, де Телиньи и другие — все торжествовали победу и радовались приему, оказанному в Лувре всем тем, кого не далее как три месяца назад Екатерина Медичи и Карл IX грозились перевешать, как простых убийц и мошенников.

Отсутствовал лишь маршал де Монморанси. Он оставался непоколебим в своем недоверии, и никакие милости, никакие обещания

не в силах были пленить и одурманить его. Он твердо держался в своем родовом замке д'Иль-Адам, оправдывая это глубокой скорбью об отце, коннетабле де Монморанси, застреленном из пистолета Робертом Стюартом в битве при Сен-Дени.

Однако казалось, что маршал де Монморанси был не прав в своих предположениях и подозрениях. По крайней мере и король, и королева, и герцог Анжуйский, и герцог Алансонский — все поражали своим радушием и широким гостеприимством на королевских приемах. Гугеноты, со своей стороны, воздавали должное герцогу Анжуйскому, восхищаясь его воинскими способностями, проявленными им в битвах при Жарнаке и Монконтуре, в которых он блистательно одержал победу, несмотря на свой юный возраст (принцу в то время не было еще и восемнадцати лет). Герцог Алансонский молчал и мягко ласкал все происходящее своим кротко-фальшивым взглядом. Екатерина Медичи сияла счастьем и, любезная до приторности, поздравляла молодого принца Генриха де Конде с его помолвкой с Марией Клевской. Наконец, сами герцоги де Гизы приятно улыбались многочисленным и заклятым врагам их рода, в то время как герцог Майенский горячо обсуждал с де Таваном и адмиралом Колиньи подробности войны, которую было решено объявить Филиппу II.

Среди всех этих групп, слегка склонив голову и чутко прислушиваясь к тому, что говорится, прохаживался молодой человек лет девятнадцати. У него были острый и пронизательный взгляд, черные, низко подстриженные волосы, густые брови, орлиный нос, маленькие усики, еле пробивающаяся борода и легкая, насмешливая улыбка, скользившая по временам в уголках рта. Этот молодой человек обратил на себя внимание в битве при Арне-ле-Дюк, где он не щадил своей жизни, за что и получал теперь восторженные похвалы. Этот молодой человек был любимым учеником адмирала Колиньи и героем дня. Три месяца тому назад, когда еще была жива его мать, его звали принцем Беарнским, теперь — королем Наваррским, впоследствии же он носил имя Генриха IV, короля Франции.

По временам легкое облако омрачало его чело. Вероятно, ему вспоминалась покойная мать, умершая лишь два месяца назад; он менее чем кто-либо сомневался в том, что она умерла насильственной смертью. Но это облако бывало мимолетно и рассеивалось, как набежавшая тень: ведь все те, кто говорил с ним, кто поздравлял и

восхищался,— все были причастны к убийству отважной Жанны д'Альбре.

В нескольких шагах от короля Наваррского стоял молодой герцог де Гиз, разговаривавший с де Телиньи. Но насколько король старался казаться оживленным и веселым, настолько же герцог был задумчив, почти грустен. Казалось бы, причин для этого не существовало: он был счастливее молодого короля Наваррского, так как в двадцать два года достиг почти такой же высокой воинской славы, как его отец, великий Франсуа де Гиз. Это был изящный вельможа, высокий, стройный, с гордым, несколько даже надменным взглядом. Во всем его виде и осанке было столько прирожденного величия, что все остальные принцы в сравнении с ним казались самыми простыми смертными. И католическая партия видела именно в нем своего вождя, как гугеноты считали своим вожаком молодого Генриха Наваррского. Он носил раньше титул принца Жуанвильского и свои военные действия начал под руководством своего отца при осаде Орлеана. На его же руках и скончался отец, указавши на адмирала де Колиньи как на своего убийцу. В эту тяжелую для него минуту молодой герцог поклялся жестоко отомстить за смерть отца не только самому адмиралу де Колиньи, но также всем его родственникам и единоверцам. Поэтому понятно было общее недоумение при виде герцога, мирно разговаривавшего со своими заклятыми врагами, в особенности же с зятем того человека, в смерти которого он поклялся своему умирающему отцу.

Но, как мы уже сказали, этот вечер изобиловал всевозможными неожиданностями.

Действительно, доведись присутствовать на этом торжестве человеку одаренному, обладающему даром житейской мудрости и провидения, много интересного и поучительного мог бы он почерпнуть из развернувшейся перед ним страницы житейской комедии.

Но этот зритель стоял на улице, за стенами Лувра, гневно сверкающими глазами пожирая ярко освещенное здание, и глухо, угрожающе роптал своим неумолкаемым голосом. Имя этому зрителю — народ. Он издали следил за колебаниями теней своих непримиримых врагов, объясняя себе их побуждения и намерения столь же ясно, как в состоянии сделать это любопытный, стоящий за плотно закрытыми дверями бального зала. Музыка опьяняет, дает известный размер

движениям танцующих; любопытный же, стоя за окнами, смеется над глупыми движениями людей, подобных паяцам, смеется потому, что ведь ему музыка не слышна.

Музыка, опьянявшая гугенотов, была голосом их удовлетворенной гордости, огоньки же, пробегавшие в глазах парижан во тьме наступившей ночи, были вспышками их ненависти, освещавшими картины будущего.

А между тем во внутренних покоях царственного Лувра атмосфера казалась наиболее радостной и умиротворенной. И причиной этому было появление высоконараченной невесты. Сняв свой парадный туалет — длинную мантию и вуаль, она снова появилась в бальном зале, сопровождаемая своей ближайшей подругой, красавицей герцогиней Неверской. Но в зал ввел ее брат, король Карл IX, и стал представлять важнейшим из гостей.

Эта невеста, лучшая жемчужина короны Франции, была Маргарита Валуа, дочь Генриха II. И, надо отдать ей справедливость, она вполне заслужила оказанный ей торжественный и пышный прием. Маргарите в то время едва-едва минуло двадцать лет, а между тем все поэты воспевали и прославляли ее красоту, сравнивая ее то с Авророй, то с Церерой.

Действительно, Маргарита затмевала своей красотой всех придворных дам. А этим сказано немало, потому что Екатерина Медичи выбирала свой штат исключительно из красивейших представительниц высших кругов Франции. Это были сирены, одна обольстительнее другой,— живой, роскошный цветник.

И все же краше всех была Маргарита. У нее были темные волосы, ослепительный цвет лица, томный взгляд, прикрытый густыми и длинными ресницами, красиво очерченный яркий рот, прелестные шея и плечи, чудная фигура, гибкая и вместе с тем красиво округленная, и в довершение всего крохотные детские ножки, обутые в атласные туфельки. Все французы поголовно гордились тем, что обладают таким сокровищем, а иностранцы, побывавшие в Париже и случайно увидевшие молодую принцессу, возвращались к себе совершенно ослепленные и очарованные ее красотой. Те же, на чью долю выпадало счастье побеседовать с нею, были, кроме того, поражены ее умом и образованием, так как Маргарита была не только самой красивой женщиной во Франции, но и самой образованной.

Благодаря всему этому гугеноты осыпали и саму Маргариту, и ее брата-короля массой мадригалов, приветствий и восторженных речей. Ведь гасконцы вообще очень красноречивы. Среди всех этих похвал и уверений проскользнуло немало замаскированных просьб и ловко вставленных намеков, но король Карл на все эти подходы, ссылки на прошлое и упование на будущее неизменно отвечал, хитро улыбаясь своими бескровными губами:

— Отдавая свою сестру Марию Генриху Наваррскому, я отдаю в ее лице и свое сердце всем протестантам королевства.

Эта фраза, успокаивая одних, в то же время заставляла ухмыляться других благодаря своей двусмысленности: Карл IX был вполне искренен в изъявлении своих родственных чувств, но при желании можно было легко истолковать эту фразу в виде оскорбительного намека как для невесты и ее будущего супруга, так и для самого говорящего, потому что поневоле приходили на память глухие придворные толки, сумевшие уже закидать грязью репутацию невесты.

Итак, как мы уже говорили, герцог де Гиз был занят разговором с де Телиньи. Но, очевидно, он не был особенно заинтересован им, так как время от времени оборачивался и поглядывал в сторону дам, в центре которых блистала королева Наваррская. И если случайно взгляд молодой королевы встречался со взглядом герцога, легкая дымка, казалось, внезапно окутывала ее чело, обрамленное венцом блистающих алмазов, а в движениях сквозило что-то напряженно беспокойное.

Принцесса Клод, старшая сестра Маргариты, бывшая уже несколько лет замужем за герцогом Лотарингским, подметила беспокойство сестры. Она уже направлялась к Маргарите, чтобы узнать о причинах, но королева-мать, шедшая под руку с молодым принцем Конде, невольно помешала ее намерению: придворные расступились, давая дорогу королеве-матери, и далеко оттеснили принцессу от сестры. Произошло всеобщее перемещение, которым ловко воспользовался герцог де Гиз, чтобы приблизиться к своей невестке, герцогине Неверской, а вместе с тем и к Маргарите.

Герцогиня Лотарингская, не спуская взгляда с сестры, увидела, как ее лицо, омраченное за мгновение до того, внезапно преобразилось и вспыхнуло от счастья. Герцог де Гиз тем временем продолжал пробираться вперед, и, когда он был не более как в двух шагах от Маргариты, невеста, скорее чувствуя его присутствие, чем видя,

обернулась, громадным усилием воли придавая своему лицу спокойное и непринужденное выражение. Герцог почтительно склонился перед нею и в то же время шепнул: «*Ipse attuli*», что должно было означать: «Я принес», или: «Я сам принес».

Маргарита низко присела перед герцогом и, приподнимаясь, успела шепнуть в ответ: «*Noctu pro more*», что означало: «Этой ночью, как обыкновенно».

Высокий стоячий воротник молодой королевы заглушил ее слова, их слышал лишь тот, кому они предназначались. Как ни короток был этот диалог, но, по-видимому, этими пятью словами они сказали все, что им было нужно, так как немедленно расстались. Маргарита стала задумчивее, чем была до встречи, а герцог, наоборот, более радостным.

Эта маленькая сценка прошла, казалось, совершенно незамеченной лицом, наиболее заинтересованным в ней. Король Наваррский обращал усиленное внимание исключительно на красавицу баронессу де Сов, около которой толпилось почти столько же кавалеров, как и около Маргариты Валуа.

Шарлотта де Бон-Самблансе, супруга Симона де Физа, барона де Сов, была одной из приближеннейших дам Екатерины Медичи и в то же время одной из опаснейших приспешниц этой королевы, подливавшей любовный напиток своим врагам в тех случаях, когда ей не удавалось подсыпать им флорентийского яда. Миниатюрная, белокурая, то живая как ртуть, то меланхоличная, всегда одинаково готовая к любви и интриге, баронесса де Сов была женщиной в полном смысле этого слова, начиная с голубых глаз, то обдававших пламенем, то нежно-томных, вплоть до крохотных точеных ножек в бархатных туфельках.

Баронесса де Сов уже несколько месяцев как всецело владела воображением короля Наваррского, и владела так хорошо, что все совершенства Маргариты Валуа остались не оцененными молодым женихом. Но что было удивительнее всего, что всех буквально поражало, так это то, что королева-мать, горячо стремясь устроить брак своей дочери с королем Наваррским и в то же время прекрасно зная о склонности последнего к баронессе де Сов, не только не старалась разрушить эту привязанность, но, наоборот, прямо-таки способствовала и покровительствовала ей.

Однако, несмотря на это явное благоволение и свободные нравы, царившие при дворе, прекрасная Шарлотта не сдавалась. От этого

непонятного, необычного, возмутительного сопротивления неудовлетворенная страсть разгоралась еще необузданнее в сердце молодого короля. Она все покрывала собою: и застенчивость, и гордость, и беспечность, составлявшую основу его характера.

Баронесса де Сов только что появилась в бальном зале. Отчасти от уязвленного самолюбия, отчасти от огорчения, но она сперва решила вовсе не появляться на торжестве своей соперницы и, ссылаясь на нездоровье, предоставить своему мужу одному явиться в Лувр. Но, увидев барона де Сов одного, Екатерина Медичи не замедлила справиться о причине отсутствия своей любимицы Шарлотты. Она услышала о легком нездоровье и тотчас же отправила баронессе записку, призывавшую ее ко двору. Не смея ослушаться, баронесса де Сов не замедлила явиться на зов.

Генрих Наваррский только что собирался, подавляя вздох, направиться к молодой, прекрасной женщине, с которой он отныне был неразрывно связан судьбой и к которой обязан был, во всяком случае, относиться как к супруге, если не любить. Но в это самое мгновение он увидел в конце галереи только что появившуюся баронессу де Сов и остановился как вкопанный. Он не отрываясь смотрел на эту новую Цирцею, которая неудержимо, словно магнитом, влекла его к себе, и вместо того, чтобы идти к жене, он после минутного раздумья, вызванного, скорее, удивлением, чем колебанием, смело двинулся навстречу баронессе де Сов.

Хорошо зная увлекающуюся натуру короля Наваррского, придворные, видя, что он желает подойти к баронессе де Сов, не сочли себя вправе препятствовать ему в этом и почтительно расступились в стороны. Благодаря этому в то самое мгновение, когда Маргарита Валуа и герцог де Гиз обменивались известными нам латинскими фразами, Генрих Наваррский, беспрепятственно подойдя к баронессе де Сов, вступил с нею в разговор, в котором не было ничего таинственного.

— Ага, моя красавица,— воскликнул он,— вы пришли-таки! А мне сказали, что вы нездоровы и не будете, и я уже потерял всякую надежду видеть вас.

— Уж не желаете ли вы, ваше величество, заставить меня думать, что вам многого стоила утрата этой надежды?

— Еще бы! — отозвался Генрих.— Разве вы не знаете, что вы — мое яркое солнце днем и ясная звезда в ночи? Уверяю вас, что до вашего

прихода мне казалось, что я здесь блуждаю в полнейшей тьме, а стоило вам лишь появиться — и все осветилось кругом.

— Плохую же я вам оказываю услугу, ваше величество! Когда имеешь счастье обладать самой красивой женщиной Франции, то единственное, чего следует желать,— это чтобы свет скорее погас и сменился тьмою, потому что лишь под ночным покровом нас ждет блаженство.

— Блаженство! Вам лучше, чем кому бы то ни было, известно, что это блаженство держит в своих руках только одна женщина. Но она лишь играет и смеется над бедным Генрихом.

— О! — отозвалась баронесса.— Я подумала скорее бы, что эта женщина необходима лишь для шуток и издевательств короля Наваррского.

Генрих был неприятно поражен этим враждебным тоном. Но он быстро сообразил, что за этим скрывается уязвленное самолюбие, которым всегда маскируется любовь, и потому воскликнул:

— Право же, дорогая Шарлотта, вы делаете мне ничем не заслуженный упрек. И я даже положительно не в силах понять, как могут ваши чудные губки произносить такие жестокие слова? Да неужели вы думаете, что это я женюсь? Нет, говорю вам, тысячу раз нет! Это вовсе не Генрих Наваррский женится на Маргарите Валуа: это реформатская церковь выходит замуж за Папу. Вот и все.

— Ого-го! Как бы да не так! Вы, ваше величество, напрасно изощряетесь в остроумии. Меня не так-то легко обвести. Я прекрасно знаю, что вы любите именно Маргариту Валуа. Но я не упрекаю вас ни в чем, избави бог! Она достаточно хороша для того, чтобы быть любимой.

Генрих на мгновение задумался, и мягкая, добродушная улыбка скользнула по его губам.

— Вы ищете ссоры со мной, баронесса,— сказал он,— а между тем вы не имеете ни малейшего права на это. Что вы сделали для того, чтобы помешать моему браку с Маргаритой Валуа? Ничего, ровнешенько ничего. Наоборот, вы сделали все от вас зависящее, чтобы довести меня до отчаяния.

— И великолепно делала!

— Как так?

— Конечно! Раз вы сегодня женитесь на другой.

— А! Я женился на ней только потому, что вы не любите меня.

— Если бы я, ваше величество, любила вас, то мне пришлось бы умереть через час... от мук и ревности. Ведь через час, самое большее, королева Наваррская отпустит своих приближенных дам, как вы, ваше величество, отпустите своих придворных.

— А если король Наваррский не отошлет сегодня своих придворных? — воскликнул молодой король, взволнованный полученным наконец первым признанием.

— Ваше величество,— с неподдельным удивлением ответила баронесса,— вы говорите невозможные и совершенно невероятные вещи.

— А что нужно сделать, чтобы вы поверили?

— Мне нужно это доказать.

— И прекрасно, баронесса, прекрасно! — воскликнул король, окидывая свою собеседницу внезапно разгоревшимся взглядом.— Клянусь святым Генрихом, я не постою за доказательством!

— О ваше величество! — прошептала красавица Шарлотта, опуская глаза.— Я, право, не понимаю... Нет, нет!.. Ведь невероятно, чтобы вы вдруг бежали от того счастья, которое ждет вас.

— А что вы скажете, если Генрих Наваррский всю эту ночь, до рассвета, проведет с вами?

— Всю эту ночь?..

— Да. Убедит ли это вас в том, что он не мог одновременно быть с другой?

— О, если вы сделаете это, ваше величество!..— воскликнула баронесса де Сов.

— Клянусь честью дворянина, я сделаю это!

Баронесса молча подняла на короля такой многообещающий, затуманенный страстью взор, что его сердце сжалось от восторга и в голове внезапно помутилось, как от крепкого вина.

— Ну же,— прошептал король,— что же скажете вы в этом случае?

— О, в таком случае я скажу, что я действительно любима вами, ваше величество! Но как же быть?..

— О господи, баронесса! Не может же быть, чтобы при вас не было какой-нибудь преданной наперсницы, камеристки, наконец, простой служанки, на которую вы могли бы вполне положиться?..

— Ну, конечно! Моя Дариола позволит на куски себя разрезать,

чтобы угодить мне. Она настоящее сокровище!

— Скажите, баронесса, этой девушке, что я осыплю ее своими милостями, когда, как мне предсказывают астрологи, вступлю на престол Франции.

— А что вам пока нужно от Дариолы? — улыбаясь, спросила баронесса.

— Ваши комнаты находятся над моими?

— Да.

— Пусть Дариола поджидает за дверью. Я тихонько постучусь три раза, она откроет, и вы получите предложенное мною доказательство.

Баронесса помолчала мгновение. Потом ее взгляд незаметно скользнул в ту сторону, где находилась Екатерина Медичи. Как ни мимолетен был этот взгляд, но королева-мать и ее приспешница успели сказать друг другу многое в этот краткий миг.

— О, если бы я только захотела,— вкрадчивым тоном сирены промолвила баронесса,— если бы я только захотела... уличить вас, ваше величество, во лжи...

— Постарайтесь, голубка, постарайтесь!..

— Ах, признаться сказать, меня так и одолевает это желание...

— Дайте же ему волю: женщины сильнее всего после поражения.

— Ваше величество... позвольте запомнить ваше обещание Дариоле на тот день, когда вы будете провозглашены королем Франции.

Генрих громко вскрикнул от радости.

И именно в это мгновение королева Наваррская ответила герцогу де Гизу:

— *Noctu pro more* («Этой ночью, как обыкновенно»).

Генрих Наваррский отошел от баронессы де Сов в таком же упоении счастьем, как герцог де Гиз отошел от Маргариты Валуа.

Час спустя после описанных нами сцен король Карл IX и королева-мать удалились в свои покои. Тотчас же залы стали быстро пустеть.

Адмирала Колиньи и принца Конде сопровождала свита гугенотов, человек в четырехста приблизительно. Толпа недовольно расступалась, давая дорогу, и глухо роптала им вслед.

Вскоре за ними показался герцог де Гиз, сопровождаемый лотарингскими вельможами и добрыми католиками. Их появление было встречено восторженными криками толпы и шумными рукоплесканиями.

Что касается Маргариты Валуа, Генриха Наваррского и баронессы де Сов, то они, как известно, жили в самом Лувре.

II

В ПОКОЯХ КОРОЛЕВЫ НАВАРРСКОЙ

Герцог де Гиз проводил свою невестку, герцогиню Неверскую, до ее дома на улице дю Шом, что против улицы дю Брак, после чего отправился домой, чтобы переодеться, застаться широким плащом и коротким, остро отточенным кинжалом, которые носились без шпаги. Но, протянув руку, чтобы взять лежавший на столе кинжал, он вдруг увидел рядом с ним записку. Немедленно развернув ее, он прочел следующее:

«Надеюсь, что герцог де Гиз не вернется сегодня ночью в Лувр. Если же он вернется, то, по крайней мере, пусть будет настолько благоразумен, что наденет на себя кольчугу и вооружиться надежной шпагой».

— Ого! — промолвил герцог, обращаясь к своему слуге.— Это странное предостережение, Робин. Скажи, пожалуйста, кто был здесь в мое отсутствие?

— Только господин дю Гаст.

— Ага! То-то почерк показался мне знакомым. Так!.. В таком случае я послушаюсь совета. Поддай мне кольчугу и шпагу!

Слуга немедленно подал то и другое. Герцог облачился в стальную кольчугу, состоявшую из таких тонких и мелких звеньев, что ее ткань по гибкости казалась не грубее бархата, надел перевязь, серый кафтан с серебром — его любимое сочетание,— натянул на ноги высокие сапоги, голову покрыл черной бархатной шапочкой, без камней и перьев, завернулся в широкий темный плащ, заткнул за пояс кинжал и, вручив шпагу молоденькому пажу, своему единственному спутнику, направился к Лувру.

Был час ночи, надвигалась гроза. Смелый герцог, не встретив на своем пути никаких препятствий, без приключений достиг огромных и безмолвных стен старого Лувра. Все огни уже были погашены. Передний фасад, в котором находились комнаты большинства принцев и принцесс, живших в Лувре, окаймлялся широким и глубоким рвом. Маргарита жила в нижнем этаже, но благодаря рву этот этаж находился на высоте нескольких футов, что, казалось, могло бы гарантировать его обитателей от воров или любовников.

Однако герцог де Гиз, нимало не задумываясь, решительно спустился в ров.

В то же мгновение послышался легкий звук открываемого окна. Последнее было снабжено железной решеткой, но появившаяся рука сдвинула в сторону подпиленный заранее железный прут и, ловко прикрепив один конец шелковой веревки к решетке, другой оставила висеть наружу.

— Это вы, Жийона? — шепотом спросил герцог.

— Да, ваша светлость! — еще тише отозвался женский голос в ответ.— Вас ждут.

— Хорошо!

С этими словами герцог подал знак своему пажу, который немедленно развернул легкую веревочную лестницу. Герцог собственноручно прикрепил ее конец к висевшему шелковому шнуру, а Жийона подтянула все это к себе и старательно прикрепил лестницу к решетке окна. Пристегнув к поясу шпагу, герцог де Гиз стал подниматься по лестнице и вполне благополучно достиг окна. Сдвинутый прут был немедленно водворен на место, окно закрыто, и паж, убедившись в том, что герцог благополучно прошел в Лувр (он проделывал это при том же паже уже десятки раз), спокойно улегся на землю под стенами и, закутавшись в плащ, крепко уснул.

Герцог шел следом за своей проводницей, которая была ни больше ни меньше, как дочь Жака де Матиньона, маршала Франции. Это была ближайшая наперсница Маргариты, поверявшей ей свои сокровеннейшие тайны.

Держась за руку своей проводницы, де Гиз дошел наконец до винтовой лестницы, проделанной в толстой каменной стене и заканчивавшейся потаенной дверцей, скрытой в передней покоев Маргариты.

Жийона остановилась.

— Принесли ли вы то, что желала королева? — шепотом спросила она.

— Да,— ответил герцог,— но я вручу это лишь собственноручно ее величеству.

— Идите же, не теряйте ни мгновения! — произнес в темноте чей-то голос.

Герцог сильно вздрогнул: он узнал голос самой Маргариты и в то же

мгновение за приподнятой портьерой различил силуэт королевы Наваррской.

— Я здесь, ваше величество,— промолвил герцог.

После этого он быстрым шагом прошел во внутренний покой, и тяжелая портьера опустилась за ним.

Настала очередь самой Маргариты Валуа служить проводницей герцога, хотя он в малейших подробностях знал расположение этих покоев.

Словно улавливая сердцем ревнивые предположения Гиза, Маргарита ввела его в свою спальню и остановилась там.

— Ну, что же, герцог,— спросила она,— вы довольны?

— Доволен ли я? Но чем же, позвольте вас спросить?

— Тем неоспоримым доказательством, которое я даю вам,— с ноткой раздражения в голосе ответила Маргарита.— Вы видите, я принадлежу человеку, который так мало интересуется мною, что в первую же брачную ночь оставляет меня совершенно одну и не дает себе труда хотя бы из вежливости зайти поблагодарить меня за то, что если я и не выбрала, то хоть согласилась назвать его супругом.

— О, не беспокойтесь, он придет, в особенности если вы сами того желаете.

— И вы можете так говорить, Генрих,— воскликнула Маргарита,— вы, который уверен как раз в противоположном! Если бы я действительно хотела того, о чем вы говорите, разве стала бы я звать вас сегодня в Лувр?

— Вы просили прийти меня в Лувр, Маргарита, за тем, чтобы уничтожить все следы нашего прошлого. А прошлое хранилось не только в наших сердцах, но и в этой принесенной мною маленькой шкатулке.

— О Генрих, что вы говорите! — промолвила Маргарита.— Чтобы я стала отрицать свою любовь? Чтобы я хотела загасить милое для меня пламя? Нет, нет! Если оно и погаснет со временем, его отсвет не исчезнет вовек! Ведь любовь женщин моего положения зачастую и освещает и губит современную им эпоху. Нет, о нет, герцог! Вы можете сохранить письма вашей Маргариты. Я прошу только одно из них, да и то потому, что это письмо одинаково опасно как для меня, так и для вас.

— Они все в вашем распоряжении,— ответил де Гиз.— Выберите сами то, что вы хотите уничтожить.

Быстро перерыв все, что было в шкатулке, Маргарита дрожащими руками вынула одно за другим около дюжины писем, просматривая только адреса на них, будто они достаточно напоминали ей содержание каждого письма.

Пересмотрев все письма, она обернулась к герцогу и сказала, бледнея:

— Здесь нет того письма, которое я ищу!

— А какое письмо вы ищете?

— То, в котором я вам советовала немедленно жениться, в котором писала, что король, видя нашу любовь и мои старания помешать вашему браку с инфантой португальской, призвал к себе своего побочного брата, герцога Ангулемского, и сказал, показывая на две шпаги: «Или ты сегодня вечером вот этой шпагой убьешь Генриха де Гиза, или я сам завтра другой шпагой убью тебя». Где это письмо?

— Вот оно! — сказал герцог де Гиз, вынимая письмо, спрятанное у него на груди.

Маргарита жадно развернула письмо, уверилась, что это именно то, которое она искала, и поднесла его к свече. Пламя мгновенно охватило листок, и через минуту его уже не существовало. Герцог де Гиз все время следил взглядом за лихорадочными движениями своей любовницы.

— Ну, Маргарита, теперь вы довольны? — спросил он, когда все кончилось.

— Да, довольна! Теперь, когда вы женаты на принцессе Порсиан, мой брат простит мне вашу любовь; но он не простил бы мне разглашения тайны, которую у меня не хватило мужества скрыть от вас... ведь я вас все еще люблю, больше, чем когда-либо!

— Вы?!

— Да, я! Никогда еще не был мне так нужен искренний и преданный друг, как теперь. Я — королева, но у меня нет трона; я замужем, но у меня нет мужа. Мой муж не только не любит меня — он меня ненавидит, презирает! Мне кажется, что ваше присутствие в этой комнате, где должен был бы в настоящую минуту находиться он сам, является достаточным доказательством его ненависти и презрения!

— Но еще не поздно; королю Наваррскому еще надо было проститься с придворными. Если его нет до сих пор, то он, во всяком случае, не замедлит прийти.

— А я говорю вам, что он не придет! — воскликнула Маргарита с возрастающей досадой.

— Ваше величество! — громко доложила Жийона, отворяя дверь и распахивая портьеру.— Король Наваррский выходит из своих покоев!

— О, я знал, что он придет! — воскликнул герцог де Гиз.

— Генрих! — решительно сказала Маргарита, хватая герцога за руку.— Вы сейчас увидите, что я умею держать слово и что на мои обещания можно положиться. Войдите в этот кабинет!

— Дайте мне уйти, пока еще не поздно! Не забудьте, что при первом проявлении любви с его стороны я выйду из этой комнаты, и тогда... горе ему!

— Вы с ума сошли! Входите же, говорю вам! Входите, входите, я за все отвечаю!

И она втолкнула герцога в свой кабинет. Действительно, нельзя было терять время: только дверь кабинета затворилась за герцогом, как на пороге показался улыбающийся король Наваррский в сопровождении двух пажей, несших два канделябра с восемью свечами из желтого воска. Стараясь скрыть свое смущение, Маргарита сделала глубокий реверанс.

— Вы еще не в постели? — спросил Генрих Наваррский со своим обычным веселым и простодушным видом.— Пожалуй, вы ждали меня?

— Нет,— ответила Маргарита,— ведь не далее как вчера вы сказали мне, что наш брак — политический союз и что поэтому вы никогда не станете ни к чему принуждать меня.

— Прекрасно! Но это не мешает нам немножко поболтать... Жийона, затвори дверь и оставь нас одних!

Маргарита, которая уже опустилась в кресло, снова встала и протянула руку, как будто хотела приказать пажам остаться.

— Прикажете позвать ваших служанок? — спросил король.— Я позову их, если таково ваше желание, но признаюсь, что о тех вещах, которые я должен сообщить вам, я желал бы говорить с вами наедине.

И король направился к кабинету.

— Нет! — воскликнула Маргарита, стремительно бросаясь к нему.— Это бесполезно: я готова выслушать вас!

Генрих Наваррский узнал то, что хотел узнать. Он бросил на дверь кабинета быстрый, но пронизательный взгляд, как будто хотел сквозь портьеру увидеть все его сокровенные уголки, потом перевел взгляд на

свою красавицу жену, бледную от ужаса, и сказал совершенно спокойно:

— В таком случае побеседуем немножко!

— Как угодно вам, ваше величество,— ответила молодая женщина, почти падая в кресло, указанное ей мужем.

Генрих сел рядом с ней.

— Что бы ни говорили люди,— сказал он,— но я думаю, что наш брак — настоящий брак. Я принадлежу вам, вы — мне. Следовательно, мы должны действовать как добрые союзники, так как сегодня принесли в этом клятву пред Господом Богом... Вы согласны со мной?

— Конечно!

— Я знаю, как вы проницательны; знаю, что придворная почва усеяна опасными пропастями; я же еще молод, и хотя никогда никому не делал зла, у меня довольно много врагов... К какому лагерю должен я причислить ту, которая носит мое имя и пред алтарем клялась мне в любви?

— О, можете ли вы думать...

— Я ничего не думаю, я надеюсь и хотел бы удостовериться, что моя надежда имеет основания. В действительности наш брак — или предлог, или ловушка...

Маргарита вздрогнула: вероятно, у нее мелькнула та же мысль.

— Но что из двух? — продолжал Генрих Наваррский.— Король меня ненавидит, герцог Анжуйский меня ненавидит, герцог Алансонский меня ненавидит. Екатерина Медичи слишком ненавидела мою мать, чтобы не перенести этого чувства на меня.

— О, что вы говорите!

— Истину,— ответил король,— и я желал бы, чтобы кто-нибудь слышал меня теперь и убедился, что мне известна правда об убийстве де Муи и об отравлении моей матери.

— О, вы прекрасно знаете, что, кроме нас двоих, здесь никого нет,— с живостью воскликнула Маргарита, стараясь придать себе самый спокойный и веселый вид.

— Вот потому-то я и говорю совершенно свободно и решаюсь сказать вам, что нисколько не обманываюсь ласками, которые расточают мне как французская королевская семья, так и члены Лотарингского дома.

— Государь! Государь! — воскликнула Маргарита.— Такие речи

опасны!

— Но не в разговорах с глазу на глаз. Так я вам говорил...

Маргарита, видимо, терзалась; она хотела бы удержать супруга от этих слов, но он продолжал со своим обычным добродушием:

— Так я вам говорил, что мне со всех сторон грозят опасности, которые скоро, вероятно, обратятся в открытые нападения; защищаться от них я могу только с вашей помощью, так как вас любят те, кто ненавидит меня. Да, вас любит король Карл, вас любит,— он подчеркнул это слово,— герцог Алансонский, вас любит королева Екатерина, наконец, вас любит герцог де Гиз.

— Ваше величество! — прошептала Маргарита.

— Что же удивительного в том, что все любят вас? Ведь я назвал всех ваших братьев или родственников, а любить родных — значит жить по заповедям Божьим.

— Но к чему же ведут все эти слова? — возразила Маргарита, чувствуя себя совсем подавленной.

— К тому же, с чего я начал: если вы будете — не скажу, моим другом, но моей союзницей, то ничто меня не страшит; если вы будете моим врагом — я погиб!

— Вашим врагом? Никогда! Разумеется, я — ваша союзница! — воскликнула Маргарита, протягивая королю свою руку.

Он любезно поцеловал ее и продолжал, не выпуская ее из своих рук — скорее, из желания испытать свою собеседницу, чем под влиянием нежного чувства:

— Верю вам и принимаю вас в союзницы. Итак, нас повенчали, хотя мы не знали и не любили друг друга, не спрашивая нашего согласия. Поэтому, как муж и жена, мы не имеем никаких взаимных обязательств. Как видите, я иду навстречу вашим желаниям и подтверждаю сегодня то, что сказал вчера. Но союзниками мы становимся совершенно свободно, как соединяются два честных сердца для взаимной поддержки. И вы так же смотрите на этот вопрос?

— Да,— ответила Маргарита, стараясь высвободить свою руку.

— А так как первым доказательством честного союза является безусловное доверие,— продолжал Генрих, не сводя взора с двери кабинета,— то я расскажу вам самые секретные подробности плана, который я выработал, чтобы выйти победителем из борьбы со своими врагами.

— Какие именно? — прошептала Маргарита, невольно также устремляя взор на дверь кабинета, между тем как ее муж посмеивался про себя, видя, что его хитрость удалась.

— Итак, вот что я сделаю,— продолжал он, притворяясь, что не замечает волнения молодой женщины.— Я хочу...

— О,— воскликнула Маргарита, быстро поднимаясь и схватывая короля за руку,— дайте мне перевести дух... волнение... жара... я... задыхаюсь...

Она действительно была бледна и дрожала, готовая упасть на ковер, к ногам мужа. Генрих быстро подошел к отдаленному окну, выходявшему на реку, и открыл его. Маргарита последовала за ним.

— Замолчите, замолчите! Ради вас самих! — прошептала она.

— О, разве вы сами не сказали мне, что мы одни? — сказал Генрих со своей обычной улыбкой.

— Да, я сказала; но разве вы не знаете, что если провести трубку сквозь стену или потолок, то можно все слышать?

— Хорошо, хорошо! — с живостью и понизив голос, проговорил король.— Вы не любите меня, это — правда; но вы — честная женщина. Если бы вы были способны предать меня, вы дали бы мне высказаться, — ведь я выдавал одного себя. Но вы остановили меня. Теперь я знаю, что здесь кто-то спрятан, что вы — неверная жена, но верная союзница; а в настоящую минуту мне, признаюсь, нужнее верность в политике, чем в любви... Но обо всем этом мы поговорим после, когда лучше узнаем друг друга.— Он повысил голос: — Вам теперь лучше?

— Да, государь, да! — прошептала Маргарита.

— В таком случае,— сказал Генрих,— я не буду больше надоедать вам. Я пришел засвидетельствовать вам свое уважение и предложить добрую дружбу; примите их, как я их вам предлагаю,— от всего сердца. А теперь отдыхайте — и покойной ночи!

Маргарита бросила на мужа признательный взгляд и в свою очередь протянула ему руку.

— Политический союз, искренний и честный? — спросил Генрих.

— Искренний и честный,— ответила королева.

Генрих направился к двери; Маргарита шла за ним, словно зачарованная его взглядом. Опустив портьеру, отделявшую их от спальни, Генрих с живостью сказал тихим голосом:

— Благодарю вас, Маргарита, благодарю! Вы истинная дочь

Франции. Я ухожу спокойный. Если вы не можете дать мне любовь, то ваша дружба не изменит мне. Я надеюсь на вас; также и вы можете вполне положиться на меня. Прощайте!

И Генрих поцеловал жене руку, нежно пожав ее, а потом легкими шагами пошел на свою половину, бормоча себе под нос:

— Да кто же, черт возьми, сидит там у нее? Король? Герцог Анжуйский? Герцог Алансонский? Герцог де Гиз? Брат или любовник? Или тот и другой? Воистину мне почти досадно, что я напросился на свидание у баронессы; но раз уж я дал ей слово и Дариола ждет меня... все равно! Боюсь только, что она будет немного в проигрыше оттого, что я к ней приду через спальню моей жены; ведь эта Марго — очаровательное создание!

И Генрих Наваррский стал подниматься по лестнице, которая вела в комнаты баронессы де Сов.

Маргарита провожала его глазами, пока он не исчез, а потом вернулась в свою комнату. На пороге кабинета она увидела герцога де Гиза и почувствовала легкое угрызение совести. Лицо герцога было серьезно; сдвинутые брови выражали горечь.

— Сегодня Маргарита еще беспристрастна,— сказал он,— через неделю она будет уже враждебна.

— А-а, вы слушали? — сказала Маргарита.— И находите, что я поступала не так, как подобает королеве Наваррской?

— Нет, но не так, как должна была поступать возлюбленная герцога де Гиза.

— Герцог,— возразила королева,— я могу не любить моего мужа, но никто не имеет права требовать, чтобы я выдавала его. Скажите по совести, выдали ли бы вы тайну принцессы Порсиан, вашей будущей жены?

— Ну, ну, хорошо! — сказал герцог, тряхнув головой.— Я вижу, что вы уже не любите меня, как то было в те дни, когда вы передавали мне, что замышлял король против меня и моих близких.

— Тогда сила была на стороне короля, а вы все были слабы. Теперь Генрих слаб, а вы все сильны. Как видите, я всегда играю одну и ту же роль.

— Только переходите из одного лагеря в другой.

— Это — право, которое я завоевала, спасая вам жизнь.

— Прекрасно, и так как любовники, расставаясь, возвращают друг

другу все, что когда-либо дарили друг другу, то и я, если представится случай, в свою очередь спасу вам жизнь и мы будем квиты.

С этими словами герцог поклонился и вышел; Маргарита не шевельнулась, чтобы удержать его. В передней де Гиз нашел Жийону, которая проводила его до окна в нижнем этаже; в замковом рву его ждал паж, в сопровождении которого он вернулся в свой дворец.

Маргарита задумчиво села у окна.

— Хороша свадебная ночь! — прошептала она.— Муж бежит от меня, любовник меня покидает!

Через некоторое время она затворила окно и позвала Жийону, чтобы та помогла раздеться.

III

КОРОЛЬ-ПОЭТ

Следующие дни протекли в празднествах, балах и турнирах.

Обе партии продолжали сближаться. Ласки и любезности могли вскружить голову самому ярому гугеноту. Казалось, король Карл IX забыл свою обычную меланхолию и совсем не мог обойтись без своего зятя, Генриха Наваррского. Королева-мать была так весела, так занята вышивками, драгоценностями и перьями, что потеряла сон.

Гугеноты снова начали носить шелковые кафтаны, вышивать девизы и гарцевать перед некоторыми балконами, подобно католикам. Везде царила перемена в пользу новой религии; можно было подумать, что весь двор собирался принять протестантство. Сам адмирал Колиньи, несмотря на свою опытность, вместе с другими попался в расставленную западню и так был увлечен этим, что однажды вечером на целых два часа забыл о своей зубочистке.

В тот же вечер король Карл IX пригласил к своему ужину в интимном кругу Генриха Наваррского и герцога де Гиза. После ужина он перешел с ними в свою комнату и начал объяснять им остроумное устройство придуманного им капкана для волков. Но вдруг он остановился и спросил:

— Разве адмирал не придет сегодня? Кто видел его и может сообщить о нем сведения?

— Я,— сказал король Наваррский,— и если вы, ваше величество, тревожитесь о его здоровье, я могу вас успокоить, так как видел его сегодня в шесть часов утра и в семь часов вечера.

— А-а! — протянул король.— Для новобрачного вы очень ранняя птичка!

— Да, государь,— ответил король Наваррский,— я хотел узнать у всеведущего адмирала, едут ли сюда дворяне, которых я ожидаю.

— Еще дворяне! В день вашей свадьбы их было уже восемьсот человек, и каждый день все еще приезжают новые. Уж не хотите ли вы захватить всех нас? — со смехом спросил Карл IX.

Герцог де Гиз нахмурился.

— Государь,— возразил король Наваррский,— ходят слухи о походе во Фландрию, и я собираю вокруг себя всех тех, кто, по моему мнению,

может быть полезен вам, ваше величество.

Вспомнив о плане, про который Генрих говорил Маргарите в день своей свадьбы, герцог де Гиз стал прислушиваться с большим вниманием.

— Хорошо, хорошо! — ответил Карл со своей презрительной улыбкой.— Чем больше их будет, тем приятнее для нас; созывайте, созывайте их, Генрих! Много вы их ожидаете?

— Еще человек десять или двенадцать.

— Как их зовут?

— Я не помню имен, государь, кроме одного, которого Телиньи рекомендовал мне как истинного дворянина и которого зовут де Ла Моль, не могу уверять...

— Де Ла Моль! Это не Лерак де Ла Моль из Прованса? — спросил король, большой знаток в генеалогии.

— Совершенно верно, государь. Как видите, я набираю даже в Провансе.

— А я,— с насмешливой улыбкой вмешался герцог де Гиз,— собираю в Пьемонте всех верных католиков, каких только могу найти там.

— Католики или гугеноты — мне это совершенно безразлично,— возразил король,— лишь бы они были храбры.

Карл произнес эти слова с таким равнодушным видом, что сам герцог де Гиз был удивлен.

— Ваше величество, вы интересуетесь нашими фламандцами? — спросил адмирал, которому король несколько дней назад милостиво разрешил входить к нему без доклада и который слышал последние слова короля.

— Ах, вот и отец мой адмирал! — воскликнул Карл IX, встречая его с открытыми объятиями.— Только что заговорили о войне, о дворянах, о храбрецах — он уже тут как тут. Мой зять, король Наваррский, и мой кузен, герцог де Гиз, ожидают подкреплений для вашей армии. Вот в чем дело.

— И эти подкрепления прибывают,— сказал адмирал.

— Вы получили о них известия? — спросил король Наваррский.

— Да, сын мой, и в частности — о дворянине де Ла Моле: вчера он уже был в Орлеане, а завтра или послезавтра будет в Париже.

— Черт возьми! Вы, адмирал, вероятно, колдун, если знаете, что

происходит за тридцать или сорок лье от вас! Что касается меня, то я очень желал бы с такой же уверенностью знать, что случилось под Орлеаном!

Колиньи бесстрастно принял эту стрелу герцога де Гиза, намекавшего, очевидно, на смерть своего отца, Франсуа де Гиза, павшего под Орлеаном от руки Польтро де Мере; адмирала Колиньи подозревали в том, что убийство было совершено по его наущению.

— Ваша светлость,— холодно возразил он,— я оказываюсь колдуном всякий раз, когда хочу получить точные сведения о своих делах или о делах его величества. Час тому назад приехал из Орлеана мой гонец, сделав благодаря почте тридцать два лье за день. Де Ла Моль едет верхом на своей лошади, проезжая в день всего десять лье, поэтому он приедет только двадцать четвертого. Вот и все колдовство.

— Bravo, отец мой, вы хорошо ответили,— сказал Карл IX.— Покажите этим молодым людям, что не одни годы, но и мудрость убелили ваши волосы и бороду; поэтому отправим их болтать о турнирах и любовных похождениях, а сами останемся потолковать о наших войнах. Ступайте, господа, мне надо поговорить с адмиралом.

Молодые люди удалились; первым вышел король Наваррский, следом за ним герцог де Гиз; выйдя из комнаты, они холодно раскланялись и разошлись в разные стороны.

Колиньи проводил их тревожным взглядом. При каждой встрече этих двоих, ненавидевших друг друга, он опасался новой грозы. Поняв, что происходило в душе адмирала, Карл IX подошел к нему и, взяв его за руку, сказал:

— Будьте покойны, отец мой, я сумею удержать обоих в повиновении и полными достоинства. Я стал настоящим королем с тех пор, как моя мать — больше не королева; а она перестала быть ею, когда Колиньи стал мне отцом.

— О государь! — сказал адмирал.— Королева Екатерина...

— Очень сварлива. С нею невозможен никакой мир, я же, напротив, хочу не только восстановить мир, но еще и оказать поддержку протестантам. Католики слишком развратны, отец мой; они возмущают меня своими любовными похождениями и своим распутством. Скажу тебе откровенно,— продолжал Карл IX свои излияния,— я не доверяю никому из окружающих, кроме моих новых друзей! Мне подозрительно честолюбие семьи Таван; Вьевиль любит только хорошее вино и

способен изменить своему королю за бочку мальвазии. У Монморанси нет других забот, кроме охоты, он проводит все время с собаками и соколами. Граф Рец — испанец; Гизы — лотарингцы... Я думаю, что во всей Франции истые французы только я, мой зять Генрих Наваррский да ты. Но я прикован к трону и не могу командовать армиями; мой зять слишком молод и неопытен. Один ты, отец, в одно и то же время храбр, как Юлий Цезарь, и мудр, как Платон. Поистине, поистине я не знаю, что делать: оставить ли тебя здесь как советника, или послать во Фландрию как главнокомандующего...

— Государь,— сказал Колиньи,— сперва надо победить: совету время после победы.

— Это твое мнение? Ну, пусть так и будет! В понедельник ты отправишься во Фландрию, а я — в Амбуаз. Я устал от шума и всех этих празднеств. Я не гожусь для деятельности, я — мечтатель! Я родился не королем, а поэтом. Ты составишь совет, который будет управлять делами, пока ты будешь на войне... и все пойдет хорошо, если моей матери не будет в совете. Я уже предупредил поэта Ронсара, чтобы он приехал ко мне, и там вдвоем, вдали от шумного света и злых людей, в наших обширных лесах, на берегу реки, под говор ручейков, мы будем говорить о Божественном, что является единственной отрадой в этом мире человеческого! Знаешь, я ведь пишу стихи и больше всего на свете желаю добиться звания поэта... Я недавно сказал моему Ронсару, моему наставнику в поэзии:

Пусть возмущается земля,—
Поэт все ж выше короля.
У них увенчано чело,
Но мне лишь счастье помогло,
Приблизясь постепенно к трону,
Надеть на голову корону;
Поэт же истинный поет
И сам короны раздает.
Поэта ум небесным жаром
Блится в жизни каждый миг,
А я — мерцанья лишь достиг
В своем величье пышном, старом.
Я, как последний проходимец,
Ищу подмоги у богов.
Удел поэта же таков,

Что вечный он богов любимец!
Он — покоритель, наконец,
Одной лишь песнею сердец,
А мне и славные дела
Дают бездушные тела...
Еще скажу я: без труда,
Без ухищрений, без обмана
Идет поэт всегда туда,
Куда нет доступа тирану.

— Государь,— сказал Колиньи,— мне было известно, что ваше величество дружен с музами, но я не знал, что они составляют ваш главный королевский совет.

— После тебя, отец мой! После тебя! И, чтобы ничто не мешало мне беседовать с ними, я и хочу поставить тебя во главе всех дел. Слушай же: я должен теперь ответить на новый мадригал, присланный мне нашим великим поэтом... Поэтому я не могу дать тебе теперь же все необходимые бумаги относительно важного вопроса, разъединившего меня с Филиппом Вторым. Потом, есть еще нечто вроде плана кампании, который выработали мои министры. Все это я разыщу и передам тебе завтра утром, в десять часов; но, если бы я случайно был занят поэзией и заперся в своем рабочем кабинете... ну, ты все-таки войди и возьми все бумаги, какие найдешь на моем столе, в этом вот красном портфеле... А теперь я буду писать Ронсару.

— Прощайте, государь!

— Прощай, отец мой! — Карл IX привлек к себе адмирала и поцеловал его в почтительно склоненную седую голову.

Адмирал вышел, утирая слезы.

Карл провожал его взглядом, пока он не скрылся из виду, и долго прислушивался к его шагам, а потом, склонив по своей привычке голову набок, медленно направился в свою оружейную. Это была его любимая комната; здесь он брал уроки фехтования у Помпея и уроки стихосложения — у Ронсара. Здесь он собрал обширную коллекцию лучшего оружия, какое только мог найти. Стены были увешаны секирами, щитами, алебардами, пистолетами и мушкетами.

Войдя в этот кабинет и заперев за собою главную дверь, через которую он вошел, Карл IX поднял ковер, скрывавший вход в комнату, где пред аналоем молилась на коленях женщина лет тридцати пяти,

здоровая красота которой еще более выигрывала от костюма, какой носят крестьянки в окрестностях Ко. На голове у нее был высокий чепец, какие были в большой моде при французском дворе во времена Изабеллы Баварской. Ее стан охватывал красный корсаж, вышитый золотом.

Целых двадцать лет занимала она рядом со спальней короля отдельную комнату, представлявшую собой странную смесь изящества и убожества — нечто среднее между простым убранством крестьянки и роскошью светской дамы.

Так как шаги короля, заглушаемые ковром, были почти неслышны, подобно шагам призрака, то женщина не заметила его приближения и продолжала молиться, читая довольно потрепанную Библию (она была реформатка). Карл с минуту простоял молча, задумчиво глядя на нее, а затем окликнул:

— Мадлон!

При звуках знакомого голоса женщина с улыбкой подняла голову.

— Ах, это ты, сын мой! — сказала она.

— Да, кормилица! Поди сюда!

Карл IX опустил портьеру и присел на ручку кресла. Кормилица вошла.

— Что тебе, Шарло? — спросила она.

— Подойди поближе и отвечай тихо!

Она подошла совсем близко.

— Ну, я здесь, — сказала она, — говори!

— Здесь ли человек, которого я требовал?

— Ждет уже полчаса.

Карл встал, подошел к окну, посмотрел, не подсматривает ли кто-нибудь, потом, приблизившись к двери, прислушался, чтобы убедиться, что никто не подслушивает, смахнул мимоходом пыль с какого-то оружия и, наконец, обратился к женщине:

— Пусть он войдет, кормилица!

Она вышла через ту же дверь, а король прислонился спиной к столу, на котором было разложено разное оружие. В ту же минуту портьера приподнялась, пропустив в комнату человека лет сорока, с лживыми серыми глазами, крючковатым, как у совы, носом и широким лицом с выдающимися скулами. Он силился придать своему лицу почтительное выражение, но вместо этого на его бледных от страха губах появилась

лицемерная улыбка.

Карл за своей спиной тихонько нащупал рукоятку пистолета новой системы, а потом устремил на пришедшего свои тусклые глаза, верно и даже мелодично насвистывая одну из своих любимых охотничьих песенок.

Прошло несколько секунд. Лицо незнакомца принимало все более и более растерянное выражение.

— Это вас зовут Франсуа де Лувье-Морвель? — спросил король. — Вы офицер отряда пикардийцев?

— Да, ваше величество!

— Вы знаете, — продолжал Карл с ударением на каждом слове, — что я одинаково люблю всех моих подданных?

— Я знаю, ваше величество, — запинаясь, промолвил смущенный Морвель, — что вы — отец своего народа.

— И что гугеноты и католики одинаково мне дети.

Морвель промолчал; только дрожь, сотрясавшая его тело, не укрылась от зоркого глаза короля, хотя тот, к кому он обращался, стоял почти окутанный мраком.

— Вам это не по вкусу, — продолжал король, — ведь вы так жестоко преследовали гугенотов!

— Ваше величество, — пролепетал испуганный Морвель, — пощадите меня!

Но Карл IX, все пристальнее устремляя на Морвеля взгляд, который становился почти сверкающим, невозмутимо продолжал:

— Кажется, вам очень хотелось убить в Монконтуре только что вышедшего отсюда адмирала Колиньи; но это убийство не удалось, и тогда вы перешли в армию герцога Анжуйского, моего брата; наконец, если не ошибаюсь, вы передались вторично принцам и служили в роте де Муи де Сен-Фаля, храброго пикардийского дворянина?

— Ваше величество, — пролепетал испуганный Морвель, — пощадите меня!

— Это был достойный офицер, — продолжал Карл IX, и, по мере того, как он говорил, его лицо принимало выражение почти свирепой жестокости, — ваш ротный командир принял вас, словно родного сына, дал вам приют, одевал вас и кормил. Вы, кажется, даже звали его своим отцом, и нежная дружба соединяла вас с молодым де Муи, его сыном?

Морвель, не вставая с колен, склонялся все ниже, подавленный

словами Карла IX, последний же стоял пред ним бесстрастный, подобно статуе, у которой одни уста как будто были живы.

— Кстати,— продолжал король,— ведь вам, насколько мне известно, было обещано герцогом Гизом десять тысяч экю за убийство адмирала?

Приведенный в ужас убийца колотился лбом о паркет.

— Что касается де Муи, вашего доброго отца, то вы сопровождали его однажды на рекогносцировку, которую он производил по направлению Шевре. Он уронил хлыст и спрыгнул с лошади, чтобы поднять его. Кроме вас, при нем не было ни души. Тогда вы поспешно выхватили из кобуры пистолет и, воспользовавшись моментом, когда де Муи нагнулся к земле, выстрелили ему в спину; потом, видя, что он мертв, так как выстрел уложил его наповал, вы ускакали на лошади, полученной вами от него в подарок. Ведь, кажется, дело было так?

Морвель безмолвствовал пред этим обвинением, верным во всех подробностях.

Карл IX принялся снова насвистывать с прежней точностью и на тот же мотив охотничью песню, а минуту спустя произнес:

— Так вот, господин убийца, знаете ли вы, что у меня огромное желание приказать повесить вас?.. Молодой де Муи умолял меня о том не дальше как вчера, и, право, я не знал, что ответить ему, потому что его просьба вполне основательна.

Морвель сложил с мольбою руки.

Король продолжал:

— Да, она тем более основательна, что, как вы говорили, я — отец моего народа, и теперь, когда мы поладили с гугенотами, они сделались так же моими детьми, как и католики.

— Ваше величество,— сказал совершенно упавший духом Морвель, — моя жизнь в ваших руках, сделайте с нею, что вам угодно. Нет ли, однако, способа искупить мое преступление?

— Я решительно не знаю его. Во всяком случае, будь я на вашем месте — чего, благодарение Господу, нет,— мне удалось бы выпутаться из беды.

Морвель приподнялся, опираясь на одно колено и на одну руку, и устремил взор на Карла, желая убедиться, что тот не насмехается над ним.

— Конечно, я очень люблю молодого де Муи,— продолжал король,

— но я также весьма расположен и к моему кузену де Гизу, и если бы он попросил у меня жизнь человека, смерти которого домогался тот, то я, право, попал бы в немалое затруднение. Однако же в интересах здоровой политики, как и здоровой религии, мне следовало бы сделать то, чего требовал от меня мой кузен де Гиз, потому что де Муи, при всей своей военной доблести,— птица невысокого полета в сравнении с принцем Лотарингским.

Во время этой речи Морвель медленно выпрямлялся с видом человека, возвращающегося к жизни.

— Итак, для вас было бы весьма важно в вашем отчаянном положении попасть в милость к моему кузену де Гизу; по этому поводу я припомнил кое-что, слышанное от него вчера.

Морвель приблизился к королю на один шаг.

— «Представьте себе, ваше величество,— говорил он мне вчера,— каждое утро, в десять часов, по улице Сен-Жермен-л'Оксерруа проходит мой заклятый враг, возвращаясь из Лувра; я вижу, как он идет мимо, из одного окна с решеткой в нижнем этаже; это — окно квартиры моего бывшего наставника каноника Пьера Пиля. Таким образом, я вижу ежедневно своего врага, проходящего мимо, и ежедневно умоляю дьявола упрятать его в недра земли». Так вот, господин Морвель,— прибавил Карл,— если бы вы стали дьяволом или по крайней мере на минуту заняли его место, то, пожалуй, это доставило бы удовольствие моему кузену де Гизу; что вы скажете на этот счет?

У Морвеля появилась вновь обычная сатанинская усмешка, и его губы, еще бледные от испуга, промолвили:

— Но, ваше величество, ведь у меня нет власти открывать недра земли.

— Однако же, насколько мне помнится, вы открыли их для храброго де Муи? На это вы можете возразить, что действовали пистолетом... Этот пистолет еще цел у вас?

— Прошу прощения, ваше величество,— ответил почти ободрившийся разбойник,— я стреляю лучше из мушкета.

— О,— с живостью подхватил Карл IX,— тут дело не в оружии, и я уверен, что мой кузен де Гиз не станет придирается к вам из-за выбора средств.

— Но,— сказал Морвель,— мне понадобится оружие, на меткость которого я мог бы положиться, потому что стрелять, пожалуй, придется

издали.

— У меня в этой комнате,— ответил Карл IX,— десять мушкетов, из которых я попадаю в золотой экю со ста пятидесяти шагов. Не желаете ли испробовать какой-нибудь из них?

— О ваше величество, с величайшей радостью! — воскликнул Морвель, направляясь к мушкету, принесенному Карлу IX в тот самый день и поставленному в угол.

— Нет, не этот,— остановил его король,— не этот; я оставляю его для себя. На этих днях у меня устраивается большая охота, и, надеюсь, тогда он послужит мне. Но из остальных выбирайте любой.

Морвель снял один из мушкетов, причем спросил:

— Теперь насчет этого врага, ваше величество: кто же он такой?

— Да я-то почему знаю? — воскликнул Карл IX, уничтожая злодея презрительным взглядом.

— Тогда я спрошу у герцога Гиза,— пробормотал Морвель.

Король, пожав плечами, посоветовал:

— Не спрашивайте ни о чем. Де Гиз не ответит вам. Разве на подобные вопросы отвечают? Пусть те, которым не хочется попасть на виселицу, догадываются сами.

— Но по какому же признаку узнать мне этого врага герцога?

— Я уже говорил вам, что каждое утро в десять часов он проходит мимо окна каноника.

— Мимо этого окна проходит множество народа. Соблаговолите, ваше величество, указать мне хоть один какой-нибудь признак.

— Нет ничего легче! Например, завтра у того человека будет под мышкой портфель из красного сафьяна.

— Этого достаточно, ваше величество.

— А у вас еще цела та лошадь, подарок де Муи, отличавшаяся необычайной резвостью?

— Ваше величество, у меня один из самых быстроногих берберских скакунов.

— Ну, тогда я спокоен за вас! Только вам не мешает знать, что у монастыря есть задние ворота.

— Благодарю вас, ваше величество. Прощайте, ваше величество!

— Прощайте!.. Ах да, кстати, де Морвель! Если завтра так или иначе заговорят о вас до десяти часов утра или же не услышат ничего про вас после этого срока, то знайте, что в Лувре существует подземная

темница!

И, как ни в чем не бывало, Карл IX принялся снова насвистывать свою любимую песенку, вернее, чем когда-либо.

IV

ВЕЧЕР 24 АВГУСТА 1572 ГОДА

Наш читатель не забыл, что в предшествующей главе дело шло об одном дворянине по имени де Ла Моль, которого с некоторым нетерпением поджидал Генрих Наваррский. Этот молодой дворянин въехал в Париж через Сен-Марсельские ворота под вечер 24 августа 1572 года и, бросив довольно презрительный взгляд на многочисленные гостиницы, пестревшие справа и слева своими живописными вывесками, направил своего взмыленного коня в самый центр города, где остановился в конце улицы Брезек, переименованной с тех пор в улицу Арбр-Сек. Тут его внимание привлекла великолепная вывеска, находившаяся с левой стороны от него, скрипевшая на своем железном стержне и украшенная колокольчиками, которые все время звенели. Де Ла Моль остановился вторично, чтобы прочесть надпись «Прекрасная звезда», шедшую полукругом под картиной, которая представляла нечто самое соблазнительное для проголодавшегося путешественника: пулярку, жарившуюся посреди черного неба, а человек в красном плаще жадно простирает к этому светилу нового рода свои руки и свой кошелек, устремляя к нему все свои желания.

«Вот,— подумал про себя де Ла Моль,— постоянный двор, располагающий в свою пользу, а его хозяин, наверно,— малый изобретательный; мне здесь будет чудесно».

Пока де Ла Моль мысленно рассуждал таким образом, другой всадник, подъехавший с противоположной стороны, то есть от улицы Сент-Оноре, остановился в свою очередь и пришел в восторг от вывески с надписью «Прекрасная звезда».

Тот из приезжих, которого мы знаем, по крайней мере по имени, сидел на белой лошади испанской породы и был одет в черный камзол, вышитый стеклярусом. Эту одежду прикрывал плащ темно-фиолетового бархата. Он был обут в черные кожаные сапоги; на поясе у него висели шпага с рукояткой из чеканной стали и такой же кинжал. По наружности то был мужчина лет двадцати четырех — двадцати пяти, со смуглым лицом, синими глазами, тонкими усиками и ослепительно белыми зубами, которые как будто освещали его черты, когда его губы изящной формы и безупречного благородства открывались кроткой и

меланхолической улыбкой.

Что касается второго путешественника, то он представлял собою полный контраст с первым. Из-под его шляпы с приподнятыми полями выбивались густые курчавые волосы, скорее рыжие, чем белокурые, а под этими роскошными кудрями серые глаза незнакомца загорались при малейшем неудовольствии таким ярким огнем, что становились черными. Этот статный мужчина отличался вдобавок нежно-румяным лицом, тонкими губами, ярко рдевшими под опушкой рыжих усов, и превосходными зубами. Высокий, широкоплечий, белотелый, он мог вполне назваться красивым кавалером в обыкновенном смысле этого слова.

Рыжеволосый красавец первый заговорил с другим приезжим, который, как мы упомянули выше, рассматривал гостиницу «Прекрасная звезда».

— Клянусь Богом,— произнес он с тем ужасным акцентом горцев, по которому с первого слова можно узнать пьемонтца среди сотни чужеземцев,— мы, кажется, находимся недалеко от Лувра? Во всяком случае, мы, по-видимому, сошлись с вами во вкусах; это весьма лестно для меня.

Де Ла Моль, провансальское произношение которого не уступало ни в чем пьемонтскому наречию его собеседника, ответил ему:

— Я и сам полагаю, что эта гостиница находится недалеко от Лувра. Тем не менее я еще сомневаюсь, могу ли я разделять ваше мнение: меня почему-то берет раздумье.

— Так вы еще колеблетесь? Однако этот дом производит приятное впечатление. Впрочем, меня прельстило здесь, пожалуй, ваше присутствие. Сознаться все-таки, что это очень красивая вывеска.

— О, конечно! Но именно это и кажется мне подозрительным. Париж, как говорят, кишит плутами, а ведь неопытного человека легко одурачить посредством вывески, как и посредством всего другого.

— Клянусь Богом,— продолжал пьемонтец,— я нисколько не боюсь надувательства, и если хозяин подаст мне пулярку, зажаренную хуже, чем на этой вывеске, то я посажу на вертел его самого и не оставлю до тех пор, пока он не подрумянится на огне в достаточной степени. Войдемте!

— Вы окончательно убедили меня,— со смехом ответил провансалец.— Укажите же мне дорогу, прошу вас.

— О, клянусь жизнью, я не сделаю ничего подобного! Ведь я только лишь ваш покорнейший слуга, граф Аннибал де Коконнас.

— А я — граф Жозеф Гиацинт Бонифас Лерак де Ла Моль, весь к вашим услугам.

— В таком случае возьмем друг друга под руку и пойдем вместе.

Результатом этого примирительного предложения явилось то, что молодые люди, спрыгнув со своих лошадей и бросив поводья подоспевшему конюху, взяли под руку и, поправив шпаги, двинулись к дверям гостиницы, на пороге которой стоял сам хозяин. Однако, вопреки обыкновению людей этого сорта, содержатель постоялого двора, по-видимому, не обратил на них ни малейшего внимания, переговариваясь о каком-то, очевидно важном деле, с высоким, сухопарым и желтолицым субъектом, закутанным в плащ светло-коричневого цвета, придававшим ему вид нахохлившегося филина.

Приезжие подошли так близко к хозяину и его собеседнику, что Коконнас, раздосадованный пренебрежением к себе и своему товарищу, дернул содержателя гостиницы за рукав. Тот как будто внезапно очнулся и поспешил отпустить посетителя, наскоро сказав ему:

— Ну, до свидания! Приходите скорее опять, а главное — сообщайте мне обо всем.

— Эй, вы, шут гороховый,— воскликнул Коконнас,— разве вы не видите, что у людей есть до вас дело?

— Ах, извините, сударь,— отозвался хозяин,— я не заметил вас.

— Эге, черт возьми, не мешало бы, однако, заметить! А теперь, когда мы уже замечены вами, вместо того, чтобы говорить нам просто «сударь», говорите, пожалуйста, «ваше сиятельство граф».

Де Ла Моль держался позади, предоставив объясняться Коконнасу, который как будто принял это дело на себя. Однако по нахмуренным бровям было заметно, что провансалец готов прийти на помощь новому товарищу, когда наступит пора действовать.

— Ну, что же вам угодно, ваше сиятельство? — невозмутимо спросил хозяин.

— Отлично... Дело налаживается, не так ли? — сказал пьемонтец, обращаясь к де Ла Молю, который утвердительно кивнул головой.— Его сиятельство граф и я, привлеченные вашей вывеской, желаем получить здесь ужин и ночлег.

— Я в отчаянии,— ответил хозяин,— у меня всего одна свободная

комната, и я боюсь, что это вам не подойдет.

— Ну, что за важность! — подхватил де Ла Моль.— Тем лучше, тогда мы отправимся куда-нибудь в другое место.

— Э нет, ни за что! — возразил Коконнас.— Я остаюсь тут; моя лошадь измучена. Итак, я беру ту единственную свободную комнату, потому что вы отказываетесь от нее.

— Ах, это другое дело! — вмешался хозяин, по-прежнему не изменяя своей дерзкой флегматичности.— Если вы один-одинешенек, то я не могу уступить вам никакого помещения.

— Черт возьми,— воскликнул запальчивый пьемонтец,— так ты не хочешь пускать нас к себе, мерзавец?

— Честное слово, господа, если вы принимаете подобный тон, то позвольте ответить вам откровенно. Я предпочитаю уклониться от чести дать вам приют в моей гостинице. Дело в том, что у вас нет с собою лакея, и если я уступлю вам господскую комнату, у меня останутся две порожние лакейские. Таким образом, из-за одной занятой комнаты я сильно рискую остаться без постояльцев в других помещениях.

— Граф де Ла Моль,— сказал Коконнас, оборачиваясь к стоявшему позади него провансальцу,— не находите ли вы, как и я, что нам следует проучить этого негодяя?

— Почему же нет? — промолвил де Ла Моль, собираясь по примеру своего спутника отдуть хозяина хлыстом.

Однако, несмотря на эту двойную демонстрацию, представлявшую мало успокоительного со стороны решительных приезжих, владелец гостиницы «Прекрасная звезда» нисколько не испугался и ограничился лишь тем, что подался немного назад, чтобы находиться в черте своих владений, причем насмешливо заметил:

— Сейчас видно, что вы, господа, явились из провинции! В Париже давным-давно вышло из моды колотить трактирщиков, когда те отказываются уступать комнату постояльцам. Теперь побои принимают знатные господа, а не горожане. Если же вы вздумаете браниться и шуметь, то я созову соседей, и тогда удары посыплются не на меня, а на вас; а ведь это уже совсем не подходит к вашему знатному происхождению!

— Да ведь этот нахал насмехается над нами! — воскликнул задетый за живое Коконнас.— Ах, черт его бери!

— Грегуар, подай мой мушкет! — приказал лакею хозяин таким же

спокойным тоном, как если бы он потребовал: «Принеси стулья этим господам!»

— Мерзавец! — заревел Коконнас, обнажая шпагу.— Да погорячитесь же и вы, граф де Ла Моль! — обратился он к провансальцу.

— Ну нет, увольте меня от этого! Ведь, пока мы станем тут горячиться, наш ужин остынет. Я нахожу, что хозяин гостиницы «Прекрасная звезда» прав. Только он не мастер ловить постояльцев, в особенности когда они дворянского рода. Вместо того чтобы говорить нам с грубостью: «Господа, мне вас не надо», ему следовало сказать вежливым тоном: «Прошу пожаловать, господа», а потом только подать нам счет: «За господскую комнату столько-то, за лакейскую столько-то». Ведь если у нас нет пока лакея, то мы рассчитываем нанять его.

Говоря таким образом, де Ла Моль тихонько отстранил содержателя гостиницы, который уже протягивал руку за своим мушкетом, пропустил вперед Коконнаса и вошел вслед за ним в дом.

— Все равно,— сказал Коконнас,— мне жаль вкладывать шпагу в ножны, не убедившись предварительно, что она колется не хуже шпиговальной иглы этого молодца.

— Терпение, дорогой товарищ, терпение! Все постоялые дворы переполнены приезжими дворянами, привлеченными в Париж свадебными празднествами или предстоящей войной с Фландрией, и мы не нашли бы себе пристанища в другом месте. Кроме того, в Париже, пожалуй, в обычае оказывать неласковый прием заезжим людям.

— Черт возьми, как вы терпеливы! — пробормотал Коконнас, теребя в ярости свои рыжие усы и кидая на хозяина грозные взгляды.— Но пускай этот мошенник держит ухо востро: если его стряпня окажется плохой, а постель жесткой, если его вино не пролежало в погребе трех лет, а его лакей не будет гибким, как тростник...

— Потише, потише, ваше сиятельство,— возразил содержатель гостиницы, принимаясь точить на ремне нож, висевший у него на поясе, — успокойтесь! Ведь вы в стране изобилия.

И он тихонько промолвил про себя, качая головой:

— Это какой-нибудь гугенот; проклятые злодеи стали ужасными наглецами со времени женитьбы наваррского короля на принцессе Марго!

Тут на его лице появилась усмешка, которая заставила бы

содрогнуться постояльцев, если бы они увидели ее, и он прибавил:

— Хе-хе, вот была бы потеха, если бы ко мне как раз попали гугеноты... и если бы вдруг...

— Эй, дождемся ли мы ужина? — едко спросил Коконнас, прерывая бормотание трактирщика.

— Ну, это как будет вам угодно, — ответил тот, вероятно смягченный последней мыслью, пришедшей ему в голову.

— Так вот, нам угодно, да сию же минуту! — воскликнул пьемонтец и, обернувшись к де Ла Молю, заговорил с ним: — Послушайте, граф, пока нам готовят комнату, скажите-ка мне, неужели Париж показался вам веселым городом?

— Клянусь честью, нет, — сознался провансалец, — мне кажется, что я встретил здесь только испуганные или отвратительные лица. Может быть, также, что французы боятся грозы. Обратите внимание: как мрачно небо и как душлив воздух!

— Скажите, граф, ведь вам нужно в Лувр, не так ли?

— Если не ошибаюсь, и вам также, граф де Коконнас?

— Так вот, если желаете, поищем его вместе.

— Гм!.. Не будет ли сегодня немного поздно для этого? — спросил де Ла Моль.

— Поздно или нет, я все равно должен идти. Мне даны строгие инструкции: прибыть как можно скорее в Париж и немедленно по прибытии явиться к герцогу де Гизу.

При имени герцога де Гиза хозяин приблизился к разговаривавшим и насторожился.

— Мне кажется, что этот плут подслушивает нас, — заметил рыжеволосый граф, который, как все пьемонтцы, отличался злопамятством и не мог простить хозяину его невежливое обхождение с путешественниками.

— Да, я вслушиваюсь в ваш разговор, — сказал хозяин, берясь рукой за свой колпак, — но именно с целью услужить вам. Я услышал, как вы упоминаете имя герцога де Гиза, и спешу предложить свои услуги. Чем я могу быть полезен вам?

— Эге, значит, «Гиз» — магическое слово, если оно внезапно превратило тебя из нахала в подобострастного подхалима! Черт возьми!.. Ну, как там тебя звать?

— Ла Гюрьер, — с поклоном ответил хозяин.

— Так вот, Ла Гюрьер, неужели ты воображаешь, что моя рука менее тяжела, чем рука его светлости герцога де Гиза, который имеет привилегию делать тебя таким учтивым?

— Нет, ваше сиятельство, но она менее длинна,— возразил Ла Гюрьер.— Впрочем, надо вам сказать, что этот великий Генрих — кумир всех парижан.

— Какой Генрих? — любопытствовал де Ла Моль.

— Мне кажется, что он всего один,— ответил содержатель гостиницы.

— Извините, мой друг, существует еще другой, о котором я не советую вам отзываться дурно: это Генрих Наваррский, не считая Генриха Конде, который также имеет свои достоинства.

— Ну, этих я не знаю,— сказал хозяин.

— Да, но я знаю их,— сказал де Ла Моль,— и так как я прислан к королю Генриху Наваррскому, то советую вам не злословить о нем в моем присутствии.

Ла Гюрьер, ничего не ответив де Ла Молю, ограничился легким прикосновением к своему колпаку и, продолжая умильно поглядывать на пьемонтца, спросил:

— Так, значит, вы, ваше сиятельство, повидаетесь с великим герцогом де Гизом? О, это большое счастье для вашей милости! Вероятно, вы изволили прибыть ради...

— Ради чего? — в свою очередь спросил Коконнас.

— Ради праздника,— с загадочной улыбкой ответил хозяин.

— Вам следовало бы сказать: «ради праздников», потому что в Париже, как слышно, постоянно идет пир горой. По крайней мере, здесь только и речи, что о балах, каруселях и всевозможных увеселениях. Кажется, парижане веселятся напропалую, а?

— Нет, довольно умеренно, по крайней мере, так было до сих пор; но в скором времени, надеюсь, Париж позабавится на славу.

— Однако свадьба его величества короля Наваррского привлекает сюда много народа,— заметил де Ла Моль.

— Много гугенотов, это правда,— ответил резким тоном Ла Гюрьер.— Ах, извините, пожалуйста,— тут же спохватился он,— пожалуй, вы также приняли эту религию?

— Я?.. Эту религию? — воскликнул Коконнас.— Перестаньте, пожалуйста! Я правоверный католик, не хуже нашего святейшего отца

Папы.

Содержатель гостиницы обернулся тогда к де Ла Молю, точно безмолвно спрашивая его; но тот или не понял его взгляда, или же не счел нужным ответить прямо, предложив трактирщику вопрос со своей стороны:

— Если вы совсем не знаете его величества короля Наваррского, то, пожалуй, знаете адмирала Колиньи? Я слышал, что адмирал пользуется некоторым благоволением при дворе, а так как у меня есть рекомендация к нему, то я желал бы, если его адрес не станет у вас поперек горла, узнать, где он живет.

— Он жил на улице Бетизи, направо отсюда,— ответил хозяин с затаенным злорадством, которое так и рвалось наружу.

— Как это «жил»? — любопытно спросил де Ла Моль.— Разве он переселился оттуда?

— Да, пожалуй, на тот свет.

— Что это значит? — воскликнули в один голос оба постояльца.— Адмирал переселился на тот свет?

— Как, граф Коконнас,— с лукавой усмешкой продолжал Ла Гюрьер,— вы, один из приверженцев де Гиза, и не знаете, что третьего дня, когда адмирал проходил по площади Сен-Жермен-л'Оксерруа, он был ранен из мушкета против дома каноника Пьера Пиля? У него прострелена рука, оторвано два пальца; хотя Колиньи остался в живых, однако надеются, что пули были отравлены.

— Как, негодяй,— воскликнул де Ла Моль,— «надеются»?!

— Я хотел сказать: «полагают»,— поправился хозяин.— Не станем ссориться из-за какого-нибудь одного слова; я просто обмолвился ненароком.

И Ла Гюрьер, повернувшись к де Ла Молю спиной, с лукавой миной высунул язык, глядя на Коконнаса и сопровождая этот жест самым многозначительным подмигиванием.

— Неужели? — подхватил просиявший от радости Коконнас.

— Неужели? — с горьким недоумением пробормотал де Ла Моль.— Ну, в таком случае,— прибавил он,— я отправлюсь в Лувр, не теряя ни минуты. Не найду ли я там короля Генриха?

— Весьма возможно; ведь он живет в этом дворце.

— И я также пойду с вами,— сказал пьемонтец.— Найду ли я в Лувре герцога де Гиза?

— Вероятно, найдете, потому что он только сейчас проехал туда мимо нас в сопровождении двухсот дворян.

— Тогда пойдете скорее, граф де Коконнас,— заторопил товарища встревоженный провансалец.

— Я следую за вами,— ответил тот.

— А ваш ужин, благородные господа? — осведомился Ла Гюрьер.

— Ах,— спохватился де Ла Моль,— пожалуй, я поужинаю у короля Наваррского.

— А я — у герцога де Гиза,— произнес пьемонтец.

— Ну а я,— промолвил хозяин, проводив взглядом своих постояльцев, направлявшихся в Лувр,— возьму-ка да вычищу свой шлем, вставлю фитиль в мушкет и отточу свой бердыш.

V

ЛУВР ВООБЩЕ И ДОБРОДЕТЕЛЬ В ЧАСТНОСТИ

Приезжие молодые люди, расспросив первого встречного, вскоре очутились перед Лувром.

— Что с вами? — спросил Коконнас де Ла Моля, который, остановившись при виде старинного замка, с благоговейным почтением рассматривал подъемный мост, узкие окна и островерхие башенки, внезапно открывшиеся его взору.

— Право, я и сам не знаю, что со мной,— сознался провансалец,— сердце у меня так и стучит. Не могу понять, почему этот дворец кажется мне мрачным и — сказать ли? — ужасным!

— Я также сам не свой,— заметил Коконнас,— но мне, напротив, давно уже не бывало так весело, как сейчас. Однако мой костюм довольно небрежен,— продолжал он, окидывая критическим взором свое дорожное платье.— Но что за важность! Молодецкий вид выручит меня. Кроме того, мне предписана быстрота действий. Я должен встретить добрый прием за пунктуальное исполнение полученного приказа.

Разговаривая таким образом, молодые люди продолжали свой путь.

Лувр охранялся многочисленной стражей, все караулы были удвоены. Наши путешественники пришли сначала в затруднение. Однако пьемонтец, заметивший, что имя герцога де Гиза играло роль талисмана у парижан, приблизился к одному часовому и, сославшись на это всемогущее имя, спросил, не может ли он благодаря ему проникнуть в Лувр.

Имя знатнейшего вельможи как будто произвело на солдата обычное действие, однако он спросил Коконнаса, знает ли он пароль.

Пьемонтец должен был признаться, что не имеет его.

— Тогда ступайте прочь, благородный господин! — сказал часовой.

В этот момент человек, разговаривавший с караульным и услышавший во время разговора, как граф де Коконнас домогался пропуска в Лувр, внезапно прервал свою беседу и, приблизившись к нему, спросил на чрезвычайно ломаном языке:

— Што фам укодно от херцога де Гиза?

— Мне угодно поговорить с ним,— с улыбкой ответил пьемонтец,

вслушиваясь в курьезно произносимые слова.

— Нефозможно: херцог у короля.

— Между тем я привез с собою важное письмо, ради которого прибыл в Париж.

— Ах, у вас письмо?

— Я прибыл из Пьемонта.

— Корошо, корошо! Это иной дело. А ваше имя?

— Граф Аннибал де Коконнас.

— Корошо, корошо! Тавайте письмо, господин Аннибал, тавайте! — продолжал немецкий дворянин, протягивая руку к колебавшемуся Коконнасу.

— Клянусь Богом, я не знаю, следует ли мне сделать это!..— сказал пьемонтец, недоверчивый, как полуитальянец.— Я не имею чести знать вас.

— Я Бесм, из свиты его светлости, херцога де Гиза.

— Это господин де Бесм, ваше сиятельство,— вмешался часовой.— Его выговор обманывает вас, вот и все. Отдайте ему ваше письмо, не бойтесь, я ручаюсь вам за него.

— Ах, господин де Бесм! — воскликнул пьемонтец.— Да я отлично знаю вас!.. Как же! С большим удовольствием!

— Если вы уж так любезны,— приближаясь к нему, в свою очередь сказал де Ла Моль,— то не соблаговолите ли взять и мое письмо?

— Как вас зовут?

— Граф Лерак де Ла Моль.

— Незнакомое имя...

— Вполне естественно, что я не имею чести быть вам известен. Я не здешний и, подобно графу де Коконнасу, прибыл в Париж сегодня вечером очень издалека, именно из Прованса.

— С письмом? К херцогу де Гизу?

— Нет, к его величеству королю Наваррскому.

— Я не из приближенных короля Наваррского,— с внезапной холодностью ответил Бесм,— так что не могу передать ваше письмо.

И, повернувшись к де Ла Молю спиной, немец вошел в ворота Лувра, подав пьемонтцу знак следовать за ним. Де Ла Моль остался один.

В ту же минуту из ворот Лувра, параллельных тем, в которые вошли Бесм и Коконнас, показался отряд кавалеристов, около ста человек.

— Ах, ах,— воскликнул часовой, обращаясь к своему товарищу,— ведь это де Муи со своими гугенотами; они так и сияют от радости. Король обещал им казнить убийцу адмирала Колиньи, а так как это тот самый парень, который убил недавно отца де Муи, то сын убитого одним ударом отомстит за обоих.

— Извините, пожалуйста,— вмешался де Ла Моль, обращаясь к солдату,— кажется, вы сказали, служивый, что этот офицер — господин де Муи?

— Да, благородный господин.

— Благодарю вас,— промолвил провансалец,— вот все, что я хотел знать.— И, поспешно направившись к командиру кавалеристов, он обратился к нему: — Сударь, я узнал, что вы — господин де Муи.

— Да,— учтиво ответил офицер.

— Ваше имя, известное среди протестантов, придает мне смелости обратиться к вам с просьбой об одной услуге.

— С кем имею честь говорить?

— С графом Лераком де Ла Модем.

Молодые люди раскланялись друг с другом.

— Я только что приехал из Экса с письмом от д'Ориака, губернатора Прованса. Это письмо адресовано королю Наваррскому и содержит в себе важные известия, не терпящие отлагательства... Каким способом передать его величеству это послание? Как мне пройти в Лувр?

— Нет ничего легче, только я боюсь, что король Наваррский, пожалуй, слишком занят в эту пору, чтобы принять вас. Впрочем, не беда; если вы согласны следовать за мною, то я провожу вас до его покоев. Остальное зависит уж от вас самого. Пойдемте!

Де Муи спрыгнул с лошади, бросил поводья своему лакею, направился к решетке, показался часовому, ввел де Ла Моля во дворец и сказал, отворив пред ним дверь в покои короля:

— Входите и действуйте сами.

Затем, поклонившись провансальцу, он удалился.

Передняя была пуста; одна из внутренних дверей оказалась открытой. Сделав несколько шагов, де Ла Моль очутился в коридоре. Он стучал, звал, не получая ответа. Глубокая тишина царила в этой части Лувра.

«Да как же это мне говорили,— подумал про себя де Ла Моль,— о

господствующем здесь строгом этикете? Да в этом дворце люди свободно приходят и уходят, точно на городской площади! Пойду-ка я прямо: ведь встретится же мне, наконец, кто-нибудь!»

И молодой провансалец углубился в коридор, становившийся все темнее.

Вдруг отворилась дверь, противоположная той, в которую он вошел, и появились два пажа с канделябрами в руках. Они светили даме высокого роста с величавой, внушительной осанкой и замечательной красоты.

Свет упал прямо на де Ла Моля, который невольно замер в неподвижности. Появившаяся в коридоре дама остановилась в свою очередь.

— Что вам угодно? — спросила она молодого провансальца мелодичным голосом, который отозвался у него в ушах, как восхитительная музыка.

— О, извините, пожалуйста,— сказал де Ла Моль, потупив взор,— я сейчас расстался с господином де Муи, который любезно проводил меня сюда; теперь я ищу короля Наваррского.

— Его величества здесь нет; король, если не ошибаюсь, у своего шурина. Однако в его отсутствие вы можете сказать королеве...

— Да, конечно,— подхватил де Ла Моль,— если бы кто-нибудь соблаговолил провести меня к ней.

— Я королева Наваррская,— сказала Маргарита.— Говорите скорее, потому что меня ждут у королевы-матери.

— О государыня, если вы спешите, то позвольте мне удалиться, так как я не в силах говорить в настоящую минуту. Я не могу связать двух мыслей — ваш вид ослепил меня. Я уже не мыслю более, а только восхищаюсь.

Маргарита, во всем блеске прелести и красоты, приблизилась к молодому человеку, который, сам того не сознавая, поступил, как опытный царедворец.

— Придите в себя,— сказала она,— я подожду, и меня подождут.

— О, простите, ваше величество, что я не приветствовал вас с самого начала со всем почтением, какого вы вправе ожидать от смиреннейшего из ваших слуг, но...

— Но вы приняли меня за одну из моих придворных дам,— подхватила Маргарита.

— Нет, но за тень прекрасной Дианы де Пуатье. Мне говорили, будто она является в Лувр.

— Ну,— заметила Маргарита,— я спокойна на ваш счет: вы составите себе карьеру при дворе. Так у вас есть письмо королю, говорите вы? Где оно? Я передам его моему супругу... Только не мешкайте, пожалуйста!

Де Ла Моль проворно распустил шнуры с металлическими наконечниками, украшавшие грудь его кафтана, и вынул из-за пазухи письмо в шелковой обертке.

Маргарита взяла его и взглянула на почерк.

— Не вы ли господин де Ла Моль? — спросила она.

— Да, ваше величество! О боже мой, неужели я так счастлив, что мое имя известно вам, ваше величество?

— Я слышала его от короля, моего мужа, и от моего брата, герцога Алансонского. Мне известно, что вас ожидали.

С этими словами королева сунула себе за корсаж, тугой от золотого шитья и бриллиантов, письмо, вынутое из-за пазухи молодого провансальца и еще сохранившее тепло его груди. Де Ла Моль следил жадным взором за каждым ее движением.

— Теперь,— сказала Маргарита,— спуститесь в нижнюю галерею и обождите там, пока за вами не придет кто-нибудь от короля Наваррского или герцога Алансонского. Один из моих пажей проводит вас.

После этого королева отправилась своей дорогой. Де Ла Моль посторонился. Но коридор был так узок, а фижмы царственной красавицы до такой степени пышны, что ее шелковое платье задело одежду молодого человека, причем аромат ее тонких духов ударил ему в голову.

Жуткий трепет пробежал по всему телу провансальца, и он, чувствуя, что сейчас упадет, прислонился к стене.

Маргарита исчезла, как волшебное видение.

— Вы идете? — спросил паж, которому было поручено проводить приезжего в нижнюю галерею.

— О да, сейчас! — воскликнул опьяненный де Ла Моль, потому что, когда юноша указал ему дорогу в том направлении, куда удалилась сию минуту королева Наваррская, у него мелькнула надежда увидеть ее еще раз.

Действительно, поспешно дойдя до верхней площадки лестницы, он заметил Маргариту в нижнем этаже. При этом, по игре случая или вследствие того, что королева услышала его шаги, она подняла голову, и графу удалось вновь увидеть ее.

— О,— промолвил он, следуя за пажом,— это — не смертная, это — богиня!

— Что же вы? — спросил юный паж.

— Иду,— ответил де Ла Моль,— извините, пожалуйста, я сию минуту...

Паж королевы шел впереди графа; он спустился этажом ниже, отворил первую дверь, потом вторую и сказал, остановившись на пороге:

— Вот где вам следует ожидать.

Де Ла Моль вошел в галерею, дверь которой затворилась за ним.

Галерея была пуста; по ней прохаживался всего один посетитель, который, очевидно, также поджидал кого-то.

Вечер начинал уже отбрасывать широкие тени с высоты каменных сводов, и хотя двое пришельцев стояли в каких-нибудь двадцати шагах друг от друга, однако они не могли ясно рассмотреть один другого. Де Ла Моль приблизился к неизвестному.

— Прости меня, Господи,— пробормотал он, очутившись в нескольких шагах от него,— да ведь это граф де Коконнас попался мне тут!

Пьемонтец проворно обернулся, заслышав позади себя шаги, и посмотрел на своего нового знакомого с не меньшим изумлением.

— Вот тебе раз,— воскликнул он,— да это господин де Ла Моль, черт меня побери! Уф, что я сотворил? Ведь я выругался в королевском доме! Ну да что за важность! Говорят, сам король бранится еще хуже моего и даже в церкви. Итак, мы с вами попали, значит, в Лувр?

— Как видите! Вас провел сюда де Бесм?

— Да. Очаровательный немец этот Бесм!.. Ну а кто послужил вам провожатым?

— Де Муи... Ведь я говорил вам, что гугеноты тоже немало значат при дворе... А вы уже виделись с герцогом де Гизом?

— Пока еще нет... А вы получили аудиенцию у короля Наваррского?

— Нет; но должен получить. Меня привели сюда и велели обождать.

— Вот увидите, что дело идет о каком-нибудь парадном ужине и что

мы с вами будем сидеть рядышком на торжественном пиру. Какая, если подумать, странная случайность! В продолжение двух часов судьба вторично сводит нас вместе!.. Что с вами, однако? У вас ужасно озабоченный вид...

— У меня? — с живостью подхватил провансалец, невольно вздрогнув, так как он действительно все еще не мог стряхнуть с себя чары недавней восхитительной встречи.— Нет, вы ошибаетесь, но само место, где мы находимся, вызывает во мне массу размышлений.

— Философского характера, не так ли? То же самое происходит и со мною. Когда вы вошли, я как раз перебирал в своей голове все наставления моего учителя. Вы знакомы с Плутархом, граф?

— Еще бы,— улыбаясь, воскликнул де Ла Моль,— это мой любимый автор!

— Так вот,— с важностью продолжал Коконнас,— по-моему, этот великий человек не обманывался, когда уподоблял дары природы роскошным, но скоро преходящим цветам, тогда как в добродетели он видел растение бальзамическое, с невыдыхающимся ароматом и несравненным свойством исцелять раны.

— Разве вы знаете греческий язык? — полюбопытствовал де Ла Моль, пристально всматриваясь в своего собеседника.

— Положим, нет; но мой наставник знал его и серьезно советовал мне вести разговоры о добродетели, когда я буду при дворе. По его словам, это очень похвально. И могу вам сказать, что я отлично подготовлен по этой части.

В эту минуту на краю галереи, примыкавшей к покоям короля, отворилась дверь; послышались шаги, и в полутьме обрисовалась мужская фигура, направлявшаяся к разговаривавшим. То был де Бесм.

Он посмотрел в упор на молодых людей, чтобы узнать того, кто был ему нужен, и подал Коконнасу знак следовать за ним.

Удаляясь с немцем, граф послал де Ла Молю приветственный жест рукой.

Бесм довел Коконнаса до конца галереи, отворил дверь, и они очутились на первой ступени лестницы. Тут провожатый остановился и, осмотревшись кругом, заглянув вверх, потом вниз, задал графу вопрос:

— Господин Коконнас, где вы живете?

— В гостинице «Прекрасная звезда», улица Арбр-Сек.

— Корошо, корошо! Оставайтесь поближе отсюда... поскорее

возвращайтесь в свою гостиницу, а этой ночью...

Немец снова осмотрелся по сторонам.

— Ну, что этой ночью? — спросил Коконнас.

— Так вот! Этой ночью возвращайтесь сюда с белым крестом на вашем жабо. Паролем будет «Гиз».

— Но в котором часу я должен прийти?

— Когда услышите набатный колокол: пум, пум!..

— Ладно, будем! — ответил Коконнас и ушел, думая про себя: «Какого черта ему нужно и к чему зазвонит набатный колокол? Ну, да не все ли равно! Я остаюсь при своем мнении: этот господин де Бесм — очаровательный немец... А что, если мне подождать графа де Ла Моля?.. Положим, нет, он, наверное, будет сегодня ужинать с королем Наваррским».

И Коконнас отправился к гостинице «Прекрасная звезда».

В это время в галерее открылась дверь, сообщавшаяся с апартаментами короля Наваррского, и оттуда вышел паж, направившийся прямо к графу де Ла Молю.

— Не вы ли граф де Ла Моль? — спросил он.

— Это я.

— А где вы живете?

— На улице Арбр-Сек, в гостинице «Прекрасная звезда».

— Хорошо! Так вот: его величество приказал сообщить вам, что он не может в данный момент принять вас, но возможно, что он пошлет за вами этой ночью. Во всяком случае, если до завтрашнего утра вы не получите никаких известий, то благоволите пожаловать в Лувр. Паролем будет «Наварра».

«Кстати, а Коконнас? — сказал себе де Ла Моль, выйдя из дворца. — О, он, наверное, остался ужинать с герцогом де Гизом!»

Но, вернувшись к Ла Гюрьеру, он первым делом заметил Коконнаса, который трудился над яичницей гигантских размеров.

— Ого! — так и покотился со смеху Коконнас. — Мне кажется, что вы так же пообедали у короля Наваррского, как я поужинал у герцога де Гиза!

— Как будто бы так!

— И вы проголодались?

— Я думаю! Знаете что? Вам следовало бы поделиться своей яичницей со мной!

— Так в чем же дело? — ответил Коконнас.— Садитесь и давайте ужинать.

— Теперь я вижу, что судьба хочет решительно сделать нас неразлучными! Вы здесь будете спать?

— Ничего не знаю.

— А я еще меньше.

— Во всяком случае, я, кажется, проведу ночь там же, где и вы сами, это ведь неизбежно!

И оба они принялись хохотать, отдавая должное яичнице Ла Гюрьера.

VI УПЛАЧЕННЫЙ ДОЛГ

Теперь мы попросим читателя последовать за нами в древнем дворце королей за королевой Маргаритой Наваррской, которую де Ла Моль потерял из виду при входе в большую галерею.

В то время как Маргарита спускалась с лестницы, герцог де Гиз, которого она не видела со времени своей брачной ночи, был в кабинете короля. На лестнице, по которой спускалась Маргарита, была ниша. В кабинете, где был герцог де Гиз, имелась дверь. И эта ниша, равно как и та дверь, выходила в коридор, который в свою очередь вел в личные апартаменты королевы-матери, Екатерины Медичи.

Екатерина Медичи была одна: она сидела у стола, положив локоть на полураскрытую книгу и опираясь головой на руку, все еще поразительно красивую благодаря косметике, поставляемой ей флорентийцем Рене, который исполнял при ней двойную обязанность: парфюмера и отравителя.

Вдове Генриха II было в то время года пятьдесят два — пятьдесят три; она еще сохранила остатки былой красоты. В ее комнате, равно как и в туалете, все говорило о вдовстве; все там имело мрачный вид: гардины, обои, мебель.

Королева была погружена в тяжелую задумчивость, которая заставляла ее подкрашенные губы складываться в неопределенную улыбку. Вдруг дверь открылась, и из-под закрывавшего ее ковра показалось бледное лицо мужчины, сказавшего:

— Все идет очень плохо!

Екатерина подняла голову и узнала герцога де Гиза.

— То есть что именно идет плохо? — спросила она. — Что вы хотите сказать этим?

— Я хочу сказать, что король более, чем когда-либо, держится за своих отвратительных гугенотов, так что если мы будем ждать его благословения на затеянное нами великое предприятие, то нам придется долго, если не вечно, ждать...

— Что же случилось? — спросила Екатерина.

— Случилось то, что только что я в двадцатый раз спрашивал у его величества, доколе нам придется выносить дерзости, позволяемые по

отношению к нам господами гугенотами после раны, полученной их адмиралом.

— И что он ответил вам?

— Он мне ответил: «Вас, герцог, народ подозревает в злодеянии, направленном против моего второго отца, адмирала; защищайтесь против этих обвинений так, как вам заблагорассудится. Что же касается меня самого, то я уж сумею разделаться с клеветниками, обвиняющими меня!» С этими словами он повернулся ко мне спиной, отправившись кормить своих собак.

— И вы не попытались удержать его? — спросила Екатерина.

— Конечно, пытался. Но он ответил мне таким тоном, который вам хорошо известен, сопровождая свои слова одному только ему свойственным взглядом: «Герцог, мои собаки голодны, и из-за людей-то я их не заставлю ждать». Вот почему я и пришел рассказать вам об этом и посоветоваться, на что же решиться.

— Надо сделать еще последнюю попытку!

— Но кто же рискнет на это?

— Я! Король один?

— Нет. У него де Таван.

— Подождите меня здесь или лучше — следуйте за мной издали.

Екатерина тотчас же встала и отправилась в комнату, где на турецких коврах и бархатных подушках покоились любимые собаки короля. На жердочках, вделанных в стену, восседало несколько охотничьих соколов и пустельга. По дороге королева-мать постаралась изобразить на своем лице бледность и тревогу и выжать из глаз несколько слезинок. Она бесшумно подошла к Карлу IX, который кормил собак пирожным, нарезанным одинаковыми ломтиками, и сказала ему голосом, полным такой муки, что король даже вздрогнул:

— Сын мой, прошу у тебя позволения переехать в один из замков; в какой, это все равно, лишь бы он был подальше от Парижа.

— А почему это? — спросил Карл IX, устремляя на мать взгляд своих глаз, которые могли временами быть очень пронизывающими и пытливыми.

— Потому, что мне ежедневно приходится переносить новые оскорбления от еретиков, потому, что сегодня я слышала, как в самом Лувре протестанты угрожали тебе, и я не желаю больше присутствовать при подобных сценах.

— Да послушайте наконец! — ответил Карл IX тоном, в котором чувствовалось глубокое убеждение.— Ведь у них хотели убить их адмирала. Какой-то подлый убийца уже покончил с храбрецом де Муи. Должно же быть какое-нибудь правосудие в государстве!

— О, не беспокойся,— ответила Екатерина,— они без правосудия не останутся! Если ты откажешь им в нем, то они сами его найдут, но так, как понимают его. Сегодня жертвой их правосудия падет герцог де Гиз, завтра — я, послезавтра — ты!

— Вы так думаете? — произнес Карл IX тоном, в котором уже сквозило сомнение.

— Э, да неужели ты не понимаешь,— продолжала Екатерина, увлеченная страстностью своих мыслей,— что в данном случае дело идет вовсе не о смерти Франсуа де Гиза или адмирала Колиньи, о протестантской или католической религии, а просто о замене сына Генриха Второго отпрыском Бурбонов?

— Ну, полно, полно, вы опять впадаете в обычные преувеличения! — сказал король.

— Что же ты предполагаешь делать?

— Обождать, матушка, обождать! В одном этом слове заключена вся человеческая мудрость!

— Ну, так жди!.. Но я не буду ждать!

Сказав это, Екатерина сделала реверанс и, повернувшись к двери, собралась вернуться прежним путем в свои комнаты.

Однако Карл IX удержал ее.

— Но все-таки,— сказал он,— что же следует делать? Ведь, прежде всего, я справедлив и хочу, чтобы каждый был мною доволен.

— Подойдите-ка сюда, граф,— обратилась Екатерина к Тавану,— и скажите королю, что следует делать, по вашему мнению.

— Ваше величество, вы разрешите? — спросил граф.

— Говори, Таван, говори!

— Что вы делаете, ваше величество, на охоте, когда видите, что на вас бежит кабан? — спросил Таван.

— Господи, да, разумеется, становлюсь потверже, чтобы удержаться на ногах,— ответил король,— и всаживаю ему в горло свою рогатину!

— И вы, ваше величество, делаете это единственно для того, чтобы он не всадил в вас своих клыков!

— Не только для этого, но и для забавы,— произнес король с

выражением храбрости, доходящей до изуверства.— Но я не желаю забавляться убийством своих подданных, потому что, в конце концов, гугеноты — такие же подданные, как и католики.

— В таком случае ваши протестантские подданные поступят с вами так же,— заметила Екатерина,— как поступает разъяренный кабан, которого не удастся положить на месте рогатиной: они опрокинут своими клыками ваш трон!

— Ну, полно! — произнес король таким тоном, по которому было видно, что он не придает большого значения зловещим предсказаниям матери.

— Разве ты сегодня не видел де Муи и его свиту?

— Видел, так как они только что ушли от меня. Но разве они просили у меня чего-нибудь такого, что не было бы справедливым? Де Муи требовал у меня смерти убийцы его отца и злодея, покушавшегося на убийство адмирала. Ну а мы с вами разве не наказали де Монтгомери за смерть моего отца и вашего супруга, хотя эта смерть была следствием простой случайности?

— Отлично, ваше величество! — воскликнула Екатерина, почувствовавшая себя задетой.— Не будем больше говорить об этом. Вы, ваше величество, находитесь под покровительством и защитой Господа, который дает вам силу, мудрость и совет; но я — бедная женщина, которая чувствует собственную слабость, а потому боится и принимает свои меры.

Сказав это, Екатерина вторично поклонилась королю и ушла, сделав знак герцогу де Гизу, вошедшему вслед за нею, чтобы он оставался на месте и сделал еще попытку.

Карл IX глазами проводил мать, но на этот раз не удерживал ее; затем он принялся ласкать собаку, насвистывая охотничью песенку. Вдруг он перестал свистеть.

— У моей матери истинно королевский ум,— сказал он,— на самом деле, она ни перед чем не останавливается! Но все-таки ни с того ни с сего, под вымышленным предлогом перебить несколько дюжин гугенотов только потому, что они явились требовать правосудия! Да разве они не имеют права на правосудие?

— Несколько дюжин...— пробормотал герцог де Гиз.

— А, вы здесь, герцог! — сказал король, делая вид, будто только сейчас заметил его.— Да, несколько дюжин! О, если бы кто-нибудь

пришел ко мне и сказал: «Ваше величество, вы будете сразу избавлены от всех ваших врагов, и завтра не останется ни одного человека, который мог бы упрекнуть вас за смерть остальных»,— о, тогда я не сказал бы «нет»!

— Ну, в таком случае, ваше величество...

— Таван,— перебил де Гиза король, обращаясь к графу, ласкавшему пустельгу, которая сидела рядом с соколами на насесте,— вы надоедаете Марго; посадите ее обратно на насест! Хотя она носит имя моей сестры, королевы Наваррской, это еще не является достаточным основанием, чтобы все ласкали ее!

Таван посадил птицу на жердочку и занялся загибанием и отгибанием ушей у гончей.

— Но, ваше величество,— продолжал герцог де Гиз,— если бы вам сказали: «Ваше величество, завтра вы будете освобождены от всех врагов...»

— А с благословения какого святого могло бы произойти такое чудо?

— Ваше величество, сегодня у нас двадцать четвертое августа, следовательно, это произойдет по представлению святого Варфоломея.

— Нечего сказать,— воскликнул король,— хорош святой, который позволил содрать с себя с живого кожу!

— Тем лучше! Чем больше он пострадал, тем больше он должен таить желания отомстить своим палачам!

— Уж не вы ли, кузен,— сказал король,— в одну ночь перебьете своей игрушечной шпагой с золотым наконечником десять тысяч гугенотов! О-о! Как вы, однако, забавны!

И король расхохотался, но его смех звучал настолько фальшиво, что даже в подхватившем его эхе было что-то мрачное и зловещее.

— Ваше величество, одно только слово,— продолжал герцог, помимо воли задрожав от этого смеха, в котором не было ни одной человеческой нотки.— Достаточно одного слова, одного знака, и все будет сделано! У меня швейцарцы, у меня одиннадцать сотен дворян, у меня легкая конница, наконец — горожане. Вы, ваше величество, со своей стороны, имеете за собой вашу лейб-гвардию, друзей, католическую аристократию... Нас будет двадцать против одного.

— Ну, так в чем же дело, кузен? Раз вы так сильны, то какого же черта вы пристаёте ко мне со всем этим? Делайте как знаете, но без

меня...

И король отвернулся к своим собакам.

Тогда портьера приподнялась, и оттуда показалась Екатерина Медичи.

— Все идет отлично! — шепнула она де Гизу.— Продолжайте настаивать, он сдастся!

Портьера снова опустилась, так что Карл IX не видел или сделал вид, будто не видел появления матери.

— Но мне необходимо знать,— продолжал герцог де Гиз,— будет ли вам, ваше величество, приятно, чтобы я действовал так, как желаю этого?

— Вы что же это, кузен, собираетесь приставить мне нож к горлу? Но я не позволю вам этого, черт возьми! Разве я не король?

— Нет, пока еще нет, ваше величество; но если вы захотите, то вы будете им завтра!

— Ах так! — сказал Карл IX.— Значит, убьют также короля Наваррского, принца Конде... И это в моем Лувре?.. О,— еле слышным голосом прибавил он,— если бы еще на улице, то я ничего не сказал бы...

— Ваше величество! — воскликнул герцог.— Они отправляются сегодня вечером кутить с вашим братом, герцогом Алансонским!

— Таван,— сказал король с великолепно разыгранным раздражением.— Разве вы не видите, что дразните мою собаку? Поди сюда, Актеон, поди!

И Карл IX вышел из комнаты, не желая ничего больше слышать о том деле, о котором так настойчиво говорил де Гиз, и оставляя Тавана и Гиза в такой же неуверенности, как и раньше.

Тем временем совсем другая сцена разыгралась у Екатерины, которая, вернувшись в свои апартаменты, застала там все общество, обыкновенно собиравшееся у нее перед отходом ее ко сну.

У Екатерины теперь лицо было настолько же сияющим, насколько перед тем — расстроенным. Мало-помалу она самым любезным образом отпустила своих статс-дам и придворных; вскоре в комнате осталась только одна Маргарита, которая, усевшись на скамье у открытого окна, погрузилась в свои думы.

Два или три раза, оставшись наедине с дочерью, королева-мать открывала рот, чтобы заговорить, но каждый раз какая-то мрачная

мысль останавливала ее слова и не давала им сорваться с языка.

Вдруг портьера откинулась, и появился Генрих Наваррский.

— Как, вы здесь, сын мой? — сказала Екатерина, вздрогнув. — Разве вы ужинаете в Лувре?

— Нет, — ответил Генрих, — мы отправляемся в город сегодня вечером с герцогом Алансонским и Конде. Я был уверен, что застану их здесь ухаживающими за вами.

Екатерина улыбнулась.

— Ну что ж, ступайте, господа, ступайте, — сказала она. — Мужчины очень счастливы, что им можно ходить куда угодно... Не правда ли, дочь моя?

— Правда, — ответила Маргарита, — свобода — это такая прекрасная вещь...

— Может быть, вы наведаетесь к адмиралу Колиньи? — спросила Екатерина. — Это было бы отличным примером для остальных, а завтра вы сообщили бы мне, как его здоровье.

— Раз вы одобряете этот визит, то я сделаю его!

— Я? — сказала Екатерина. — Я ничего не одобряю и не порицаю... Но кто это идет там?.. отошлите прочь, отошлите!

Генрих сделал шаг по направлению к двери, чтобы исполнить приказание Екатерины, но в этот момент портьера приподнялась, и оттуда показалась белокурая головка баронессы де Сов.

— Ваше величество, — сказала она. — Пришел парфюмер Рене, которого вы, ваше величество, изволили требовать.

Генрих Наваррский слегка покраснел, но затем почти тотчас же в одно мгновение ужасно побледнел. В самом деле, ведь только что произнесли имя убийцы его матери. Он чувствовал, что его лицо выдает его волнение, и подошел к окну.

В этот момент появились два человека, из которых об одном доложили, а другой не нуждался ни в каких докладах.

Первым был Рене, парфюмер, который подошел к Екатерине с льстивой изысканностью прирожденного флорентийца; в руках у него была коробка, которую он открыл, так что все присутствующие увидели кучу всяких банок и склянок, заполнявших многочисленные отделения.

Второй была герцогиня Лотарингская, старшая сестра Маргариты. Она вошла через маленькую потайную дверь, сообщавшуюся с кабинетом короля, и, бледная и дрожащая, в надежде не быть

замеченной Екатериной, которая внимательно рассматривала вместе с баронессой де Сов содержимое коробки, принесенной Рене, села рядом с Маргаритой. Генрих стоял рядом, сжимая руками лоб, с видом человека, старающегося прийти в себя.

В этот момент Екатерина обернулась.

— Дочь моя,— обратилась она к Маргарите,— можешь уйти к себе. А вы, сын мой, отправляйтесь развлечься в город!

Маргарита встала, а Генрих поклонился.

Герцогиня Лотарингская схватила руку Маргариты, тихо и поспешно сказала:

— Марго, во имя герцога де Гиза, который хочет спасти тебя так же, как спасла его ты, не выходи отсюда, не возвращайся к себе обратно!

— Что ты говоришь там, Клод, а? — спросила, обернувшись, Екатерина.

— Ровно ничего, мама.

— Ты что-то такое говорила Маргарите шепотом.

— Я просто пожелала ей покойной ночи и передала поклон от герцогини Неверской.

— А где эта прекрасная герцогиня?

— Вместе со своим зятем, герцогом де Гизом.

Екатерина подозрительно посмотрела на обеих женщин и нахмурила брови.

— Поди сюда, Клод! — сказала она старшей дочери.

Клод повиновалась.

— Что ты сказала ей, болтунья ты такая? — шепнула ей Екатерина, сжимая ее руку с такой силой, что та чуть не вскрикнула.

Генрих, ничего не слышавший, но не упустивший из виду немой сцены между королевой, Клод и Маргаритой, сказал, обращаясь к супруге:

— Не удостоите ли вы меня честью дать мне вашу ручку для поцелуя?

Маргарита протянула ему свою дрожащую руку.

— Что она сказала вам? — спросил Генрих, наклоняясь для поцелуя к руке.

— Чтобы я не выходила. Во имя неба, не выходите и вы!

Эти слова были для Генриха словно молния, пронзившая мрак; но как ни коротка была эта молния, а при свете ее Генрих догадался о

существовании заговора.

— Это еще не все,— сказала Маргарита,— вот письмо, которое мне доставил провансальский дворянин де Ла Моль.

— Спасибо! — ответил Генрих, взяв письмо и незаметно засовывая его к себе в камзол. Затем, оставив перепуганную насмерть жену, он подошел к Рене и, положив ему на плечо руку, сказал: — Ну, господин Рене, как идут ваши торговые дела?

— Довольно хорошо, ваше величество, довольно хорошо,— ответил отравитель с лицемерной улыбкой.

— Еще бы,— продолжал Генрих,— ведь вы являетесь поставщиком всех коронованных особ Франции и за границей.

— За исключением короля Наваррского! — нагло ответил флорентиец.

— А ведь вы правы,— произнес Генрих.— Между тем моя бедная матушка, умирая, рекомендовала мне вас, господин Рене. Зайдите-ка завтра или послезавтра ко мне и принесите с собой ваши лучшие духи.

— Это очень не помешает,— улыбаясь, сказала Екатерина,— потому что говорят, будто...

— Будто от меня воняет потом? — смеясь, докончил Генрих.— Кто вам сказал это? Уж не Марго ли?

— Нет,— ответила Екатерина,— это сказала баронесса де Сов.

В этот момент герцогиня Лотарингская, несмотря на все усилия, которые она делала над собой, не смогла сдержаться и разразилась рыданиями. Генрих даже не обернулся.

— Клод,— воскликнула Маргарита, бросаясь к сестре,— что с тобой?

— Ничего особенного,— ответила за нее Екатерина, сейчас же становясь между обеими молодыми женщинами.— У нее просто нервная лихорадка, от которой Мазиль советует ей лечиться духами.— Она снова сжала, еще сильнее, чем в первый раз, руку старшей дочери, а затем, повернувшись к младшей, сказала ей: — Ну, что же, Марго, разве ты не слыхала, что я уже приглашала тебя вернуться к себе? Если тебе мало просьбы, тогда я приказываю уйти!

— Простите меня, ваше величество! — дрожа, ответила Маргарита, бледная как смерть.— Желаю вам доброй ночи!

— Благодарю. Надеюсь, что твое пожелание сбудется. Покойной ночи!

Маргарита, шатаясь, ушла из комнаты, напрасно стараясь поймать взгляд мужа, который даже не обернулся в ее сторону.

На мгновение воцарилось молчание, во время которого Екатерина впивалась взглядом в герцогиню Лотарингскую, тогда как последняя в свою очередь, не говоря ни слова, смотрела на мать, скрестив руки.

Генрих стоял к ним спиной, но, делая вид, будто он занят подкручиванием усов с помощью помады, предложенной ему Рене, на самом деле видел все в зеркало.

— Ну а вы, Генрих,— спросила Екатерина,— вы не раздумали отправиться на прогулку?

— Ах да, правда! — воскликнул король Наваррский.— Ей-богу же, ведь я совсем забыл, что герцог Алансонский и принц Конде ждут меня! Должно быть, эти прекрасные ароматы отбили у меня память! До свидания, ваше величество!

— До свидания! Ну а завтра вы мне сообщите, как здоровье адмирала, не правда ли?

— Не премину сделать это.

Поклонившись, Генрих ушел с таким смеющимся и беззаботным лицом, как будто в его сердце и не бывало уверенности, что он находится на волосок от смерти.

— Ну а теперь, Шарлотта,— сказала Екатерина баронессе де Сов,— позови сюда герцога де Гиза и графа Тавана — они в моей молельной — и сама тоже возвращайся. Ты побудешь с герцогиней Лотарингской, у нее опять начались припадки истерии.

VII

НОЧЬ 24 АВГУСТА 1572 ГОДА

Когда де Ла Моль и Коконнас окончили свой ужин, пьемонтец повертел стул на одной ножке, протянул ноги, развалился локтями на столе и, смакуя последний стакан вина, сказал:

— Вы собираетесь немедленно ложиться спать, господин де Ла Моль?

— Мне-то очень хотелось бы лечь спать, но возможно, что меня скоро потревожат! — ответил тот.

— И меня тоже, — сказал Коконнас. — Поэтому я думаю, что вместо того, чтобы лечь спать и заставить ждать тех, кто пошлет за нами, нам лучше было бы потребовать карты и поиграть. Тогда нас застанут совсем готовыми.

— Я с удовольствием принял бы ваше предложение, но для того, чтобы играть, у меня слишком мало денег — в моем кошельке едва ли найдется сто экю, к тому же это — все мое состояние, с которым я должен пробиться в люди.

— Сто экю золотом! — воскликнул Коконнас. — А вы еще жалуетесь! Черт возьми, да ведь у меня их только шесть!

— Да полноте! — возразил ему де Ла Моль. — Я сам видел, как вы вытаскивали из кармана кошельки, который был не только полон, а, можно сказать, битком набит!

— Ах, это! — ответил Коконнас. — Это предназначено на уплату по старинному долгу отца одному из его старых друзей, в котором я, как и в вас, подозреваю немножко гугенота. Да, там имеется сотня дублонов, — продолжал Коконнас, хлопая себя по карману, — но она принадлежит некоему Меркандону; что касается моего личного состояния, то таковое, как я вам уже говорил, ограничивается шестью экю.

— Ну, так как же играть в таком случае?

— Вот именно поэтому-то я и хотел сыграть. К тому же мне пришла в голову идея. Ведь мы оба явились в Париж с одной целью.

— Да.

— У каждого из нас имеется по могущественному покровителю.

— Да.

— Вы рассчитываете на вашего, как я рассчитываю на своего?

— Да.

— Ну, так вот! Мне пришло в голову сыграть сначала на деньги, а потом на первую милость, которая явится нам от двора или от возлюбленной...

— А ведь это и в самом деле очень остроумно,— сказал де Ла Моль, улыбаясь.— Но, признаюсь вам, что я не настолько искусен в игре, чтобы рисковать всей жизнью, ставить ее в зависимость от карты или броска костей, так как от первой милости, которую мы получим, по всей вероятности, будет в значительной степени зависеть как для вас, так и для меня, вся будущая жизнь...

— Ну, что же, в таком случае оставим первую придворную милость и сыграем на милость нашей возлюбленной.

— В этом я вижу маленькое неудобство,— ответил де Ла Моль.— Дело в том, что у меня вообще нет возлюбленной.

— Да и у меня тоже нет ее, но я твердо рассчитываю, что таковая скоро явится. Черт возьми! Мы с вами, кажется, не так скроены, чтобы подолгу оставаться без женщин!

— Вполне согласен с вами, что у вас не предвидится в них недостатка. Но лично я не могу верить в свою любовную звезду, а потому наши ставки будут неравными, так как вы ставите больше, чем я. Поэтому я предложу вам следующее: давайте играть на ваши шесть экю, а если вы проиграете их и захотите продолжать игру, так что же!.. Вы — дворянин и ваше слово стоит золота!

— Вот это ладно! — подхватил Коконнас.— Вы совершенно правы: слово дворянина — те же деньги, в особенности если у этого дворянина имеется покровительство при дворе. Поэтому поверьте, что я не очень рисковал, когда хотел поставить на карту первую милость, на которую рассчитываю при дворе.

— О, конечно, вы могли бы проиграть ее, но мне от этого не было бы никакой прибыли, так как, являясь приверженцем короля Наваррского, я ровно ничего не мог бы получить от герцога де Гиза.

— Ага, еретик! — буркнул про себя трактирщик.— Славно же я тебя накрыл!

И он истово перекрестился.

— Вот как? — ответил Коконнас, мешая карты, поданные ему лакеем.— Так, значит, вы из гугенотов?

— Ну, что же, предположим, что это так,— ответил де Ла Моль,

улыбаясь.— Вы имеете что-нибудь против нас?

— О нет, славу богу, мне это решительно все равно. Я глубоко ненавижу самое гугенотство, но отнюдь не ненавижу самих гугенотов. К тому же это теперь в моде.

— Да, доказательством этого является выстрел, сделанный по адмиралу. Ну-с, давайте играть! — сказал де Ла Моль, собирая карты и принимаясь сдавать.

— Да, давайте играть. Во всяком случае, если бы даже мне и пришлось проиграть эти экю, то завтра мне было бы чем заплатить, так что можете играть совершенно спокойно.

— Значит, счастье снизойдет к вам во время вашего сна?

— Ну, нет, я сам отправлюсь искать его.

— А куда именно? Скажите мне, я отправлюсь вместе с вами!

— В Лувр.

— Вы пойдете туда сегодня ночью?

— Да, сегодня ночью у меня назначена особая аудиенция у герцога де Гиза.

С того момента, как Коконнас упомянул, что он собирается отправиться искать счастья в Лувр, Ла Гюрьер, занимавшийся чисткой какого-то старого шлема, бросил свое занятие и поместился за стулом де Ла Моля таким образом, чтобы его мог видеть только Коконнас. Поместившись там, он принялся делать знаки, которых де Ла Моль не замечал из-за игры и разговора.

— Господи, это просто поразительно! — сказал де Ла Моль.— Вы совершенно правы, когда говорите, что мы родились под одной звездой. У меня тоже назначено свидание в Лувре этой ночью, но только не с герцогом де Гизом, а с королем Наваррским.

— А вам дан пароль?

— Да.

— А сигнал для сбора?

— Нет.

— Ну, вот, а у меня имеется. Мой пароль...

При этих словах пьемонтца Ла Гюрьер сделал такой выразительный жест, как раз в тот момент, когда болтливый дворянин поднимал голову, что Коконнас остановился в смущении на полуслове, сбитый с толку не столько этим жестом, сколько открывшимся в этот момент раскладом карт, благодаря которому он сразу лишился трех экю. Заметив

удивление своего партнера, де Ла Моль обернулся, но не заметил ничего особенного, кроме хозяина, который стоял позади него со скрещенными на груди руками и медной каской на голове.

— Что с вами? — спросил де Ла Моль Коконнаса.

Последний смотрел на хозяина и своего партнера, не отвечая, потому что не мог понять, что означают все эти предупредительные жесты трактирщика.

Ла Гюрьер понял, что следует прийти ему на помощь.

— Я, видите ли,— поспешил он сказать,— тоже очень люблю перекинуться в картишки; ну, вот, когда я подошел, чтобы посмотреть, как вы играете, ваш партнер увидел меня в военной каске и, конечно, был немало удивлен таким воинственным видом бедного горожанина.

— В самом деле, недурной вид! — воскликнул де Ла Моль, заливаясь смехом.

— Эх, месье! — ответил Ла Гюрьер.— Мы-то ведь не из храбрецов будем, да и нет у нас господских утонченных манер. Это хорошо для таких молодцов, как вы: вам пойдут и золотая каска, и изящная шпага! Ну а нам лишь бы вовремя в караул поспеть, и то ладно...

— Ах, вот как! — сказал де Ла Моль, сдавая в свой черед карты.— Вы состоите в карауле?

— Да как же, ваше сиятельство! Ведь я служу сержантом в городской милиции.

Сказав это и пользуясь тем, что де Ла Моль был весь погружен в сдачу, Ла Гюрьер еще раз положил палец на губы, безмолвно, но энергично рекомендуя Коконнасу хранить молчание. Затем он отошел от играющих, оставив Коконнаса еще более смущенным, чем прежде.

Благодаря этому он во второй раз проиграл с такой же быстротой, как и в первый.

— Ага,— сказал де Ла Моль,— это составляет как раз ваши шесть экю. Не желаете ли реванша в счет будущих благ?

— Да!

— Но как же мы будем играть? Ведь вы, кажется, сказали мне, что отправляетесь на свидание с герцогом де Гизом?

Коконнас кинул взгляд по направлению к кухне и встретился с взглядом больших серых глаз Ла Гюрьера, повторявшим ему все то же предупреждение.

— Да,— ответил он,— но теперь еще слишком рано. Да и поговорим

лучше о вас, граф.

— А мне кажется, что нам лучше всего поговорить об игре, дорогой господин Коконнас, потому что, если я не ошибаюсь, вы находитесь на верном пути проиграть еще шесть экю...

— Черт возьми! Истинная правда! Мне всегда говорили, что гугенотам везет в картах. Чтобы меня черт побрал, я и сам готов из-за этого сделаться гугенотом.

Глаза Ла Гюрьера засверкали, словно два пылающих угля, но погруженный в игру Коконнас не заметил этого.

— Сделайтесь, граф, сделайте, — ответил де Ла Моль, — и хотя благодать истинного разума и снизошла на вас довольно-таки странным образом, но вы будете хорошо приняты у наших.

— Если бы я мог знать наверное, — ответил Коконнас, почесывая за ухом, — что все ваше счастье в игре проистекает оттуда, то не стал бы очень долго думать, потому что, в конце концов, я не очень-то держусь за католическую мессу, да и король — тоже...

— А кроме того, это такая прекрасная религия, — заметил де Ла Моль, — такая простая, такая чистая!

— А кроме того... она в моде, — договорил Коконнас, — да кроме того, она приносит счастье в картах, потому что сегодня, например, козыри существуют в колоде только для вас!

— Вы мне должны еще шесть экю, — спокойно заметил де Ла Моль.

— Как вы искушаете меня, однако! — сказал Коконнас. — Если этой ночью я не буду доволен герцогом де Гизом, то завтра попрошу вас представить меня королю Наваррскому. О, будьте спокойны — раз я стану гугенотом, то буду более протестантом, чем все протестанты на свете!

— Тише, — заметил ему де Ла Моль, — вы поссоритесь с хозяином!

— И то правда! — согласился Коконнас, оборачиваясь к кухне. — Да нет, он нас и не слушает; он слишком занят. Он разговаривает с кем-то... Ах, черт меня побери, да ведь это — он!

— Кто он?

— Да тот субъект, похожий на ночную птицу, с которым он разговаривал при нашем появлении здесь. Черт возьми! Однако жаркий разговор идет у них! Эй, Ла Гюрьер, скажите-ка, уж не политикой ли вы занимаетесь там?

На этот раз Ла Гюрьер ответил таким энергичным и повелительным

жестом, что Коконнас встал и пошел к нему.

— Что с вами? — спросил его де Ла Моль.

— Вам угодно вина, господа? — сказал Ла Гюрьер, поспешно хватая Коконнаса за руку.— Сейчас вам дадут. Грегуар, подай вина господам! — Затем, наклонившись к уху Коконнаса, он шепнул: — Молчите, если дорожите своей жизнью, и сейчас же спровадьте спать вашего партнера.

Ла Гюрьер был так бледен, а незнакомец имел такой зловещий вид, что Коконнас почувствовал невольную дрожь и, обратившись к де Ла Молю, сказал ему:

— Прошу вас извинить меня, но вот опять я с одного удара потерял пятьдесят экю. Сегодня мне не везет, и поэтому лучше кончить.

— Отлично, граф, отлично,— ответил де Ла Моль,— как вам будет угодно. К тому же я буду очень не прочь прилечь в постель хоть на минуту. Ла Гюрьер, если за мной придут от короля Наваррского, то разбудите меня. Я лягу не раздеваясь, а следовательно, буду готов в тот же момент.

— И я тоже,— сказал Коконнас,— чтобы не заставлять ждать его светлость герцога де Гиза, я займусь приготовлением знака. Ла Гюрьер, дайте мне ножницы и белой бумаги.

— Грегуар! — крикнул Ла Гюрьер.— Дай белой бумаги для письма и ножниц, чтобы вырезать конверт!

«Нет, здесь решительно происходит что-то особенное!» — подумал про себя пьемонтец.

— Покойной ночи, господин Коконнас,— сказал де Ла Моль.— А вы, Ла Гюрьер, будьте любезны указать мне мою комнату. Желаю успеха!

Де Ла Моль исчез за поворотом винтовой лестницы; за ним следом шел Ла Гюрьер.

Тогда таинственный незнакомец в свою очередь взял Коконнаса за руку и, привлекая к себе, сказал мрачным тоном:

— Вы уже сотню раз чуть не выдали тайну, от которой зависит будущее государства. Богу было угодно, чтобы каждый раз вы вовремя придерживали язык. Но скажи вы еще слово, и я подстрелил бы вас. Теперь мы, по счастью, одни, так слушайте...

— Но кто вы такой, чтобы говорить со мной повелительным тоном? — спросил Коконнас.

— Не приходилось ли вам случайно слышать имя де Морвеля?

— Убийцы адмирала и капитана де Муи? О, конечно!

— Ну, так вот, этот Морвель — я!

— О-о! — воскликнул Коконнас.

— Так выслушайте же меня!

— Черт возьми! Уж конечно, выслушаю!

— Тише! — сказал Морвель, поднося палец к губам.

Коконнас прислушался.

В этот момент послышался шум запираемой двери, потом раздались шаги в коридоре; наконец, появился хозяин, который, заложив дверные засовы, торопливо шел к обоим собеседникам.

Он предложил стулья Коконнасу и Морвелю и присел сам.

— Теперь все на запоре, господин де Морвель,— сказал он.— Можете говорить.

В этот момент на колокольне Сен-Жермен-л'Оксерруа пробило одиннадцать. Морвель пересчитал все удары и, когда последний из них мрачным стоном замер в ночной тиши, обратился к Коконнасу, совершенно растерявшемуся благодаря всем этим предосторожностям, со следующими словами:

— Скажите, вы добрый католик?

— Ну, разумеется! — ответил Коконнас.

— Скажите,— продолжал Морвель,— преданы ли вы королю?

— Душой и сердцем.

— В таком случае вы должны последовать за нами. Дело идет о вашей судьбе, а может быть, и о жизни.

— Должен вас предупредить, что в полночь у меня имеется дело в Лувре.

— Именно туда мы и идем!

— Меня ждет герцог де Гиз.

— И нас тоже.

— Но у меня имеется особый пароль! — продолжал Коконнас, которому было сильно не по душе отправляться на аудиенцию вместе с Морвелем и Ла Гюрьером.

— У нас тоже.

— Но у меня особый отличительный знак!

В ответ на это Морвель улыбнулся и вытащил из камзола пачку крестов из белой материи. Один он дал Ла Гюрьеру, другой — Коконнасу, третий взял себе. Ла Гюрьер прикрепил крест к своей каске,

де Морвель — к шляпе.

— Ах, вот как! — воскликнул пораженный Коконнас.— Так, значит, свидание, пароль и отличительный знак даны всему свету?

— Да, граф! Вернее сказать — всем добрым католикам.

— Так, значит, в Лувре состоится празднество, королевский банкет, не так ли? — воскликнул Коконнас.— И хотят не пустить туда собак-гугенотов? Отлично, отлично! Они и без того чересчур много вертятся при дворе.

— Да, в Лувре предстоит празднество! — ответил Морвель.— Там будет королевский банкет, но гугеноты тоже приглашены туда... Даже больше, они будут героями празднества, они заплатят за банкет, и если вы хотите быть с нами, то мы начнем с того, что пойдем приглашать их главного вожака.

— Адмирала Колиньи? — воскликнул Коконнас.

— Да, старого Гаспара, в которого я промахнулся, как идиот, хотя и стрелял из королевского оружия!

— Вот поэтому-то я и начищал свою каску, вострил шпагу и точил ножи! — пронзительным голосом сказал Ла Гюрьер.

При этих словах Коконнас вздрогнул и смертельно побледнел, так как начал понимать, в чем дело.

— Как, в самом деле? — воскликнул он.— Так этот праздник... этот банкет... это... собираются...

— Долго же вы не могли сообразить, в чем дело,— сказал Морвель, — да и отлично видно, что вам не надоела до такой степени, как нам, наглость этих еретиков.

— И вы берете на себя,— продолжал Коконнас,— отправиться к адмиралу и...

Морвель улыбнулся и сказал Коконнасу, привлекая его к окну:

— Посмотрите туда, в конец улицы. Видите ли вы, как на маленькой площади за церковью молчаливо выстраивается отряд?

— Да.

— Обратите внимание, что у солдат этого отряда на шапках такие же белые кресты, как у Ла Гюрьера, как у вас и у меня; это — швейцарцы под командой Токено. А потом, видите ли вы на набережной группу кавалеристов? Узнали их начальника?

— Да как мне узнать его,— дрожа, ответил Коконнас,— когда я прибыл в Париж только этим вечером?

— Ну, так вот! Это тот самый, с кем вы должны были иметь свидание в Лувре в полночь.

— Герцог де Гиз?

— Он самый. Его сопровождают Марсель, бывший городской голова, и Шорон, нынешний голова. Они находятся здесь для того, чтобы поднять городскую милицию. А вот, смотрите-ка, на улице появился участковый пристав; присмотритесь, что он будет делать.

— Он стучится в каждую дверь. Но что такое виднеется на тех дверях, в которые он стучится?

— Белый крест, молодой человек, крест, совершенно схожий с тем, который прикреплен к нашим шляпам. В прежние времена самому Господу Богу предоставляли разбираться, кто свой и кто чужой, ну а теперь мы более цивилизованны и избавляем Его от этой обязанности.

— Но двери каждого дома, где постучится пристав, открываются и оттуда выходят вооруженные горожане!

— Он постучит и к нам, как стучал к другим, и тогда мы тоже выйдем в свою очередь.

— Но неужели же столько народу поднимается для того, чтобы убить одного-единственного старого гугенота? Черт знает что такое! Какой позор! Это под стать наемным убийцам, а не солдатам!

— Молодой человек,— ответил де Морвель,— если старики вам не по душе, то можете выбирать среди молодых. Найдутся люди на всякий вкус! Если вы презираете кинжал, то можете пустить в дело шпагу; ведь гугеноты не из тех людей, которые дадут себя убить, не защищаясь, а вы должны знать, что гугенот, будь он стариком или юношей, живуч, как кошка!

— Значит, их перебьют всех? — воскликнул Коконнас.

— Всех.

— По приказанию короля?

— По приказанию короля и герцога де Гиза.

— А когда это произойдет?

— Когда ударят в набат на колокольне Сен-Жермен-л'Оксерруа.

— Так вот почему де Бесм приказывал мне ждать первого удара набатного колокола!

— А, так вы видели де Бесма?

— Я видел его и говорил с ним. Это он впустил меня в Лувр, дал пароль, сообщил...

— Смотрите!

— Черт возьми! Это он сам и есть!

— Не желаете ли поговорить с ним?

— Ей-богу, это было бы невредно!

Морвель тихонько открыл окно. Действительно, по улице проходил де Бесм с людьми.

— Де Гиз и Лотарингия! — сказал Морвель.

Немец обернулся и подошел к окну.

— А-а! Это вы, господин Морвель!

— Да, это я. Кого вы ищете?

— Я ищу гостиницу «Прекрасная звезда», чтобы известить графа Коконнаса.

— Да это именно я! — сказал молодой человек.— В чем дело? Что вы хотите от меня?

— Чтобы вы сделали все, что вам скажет господин де Морвель.

— Ладно,— ответил Коконнас.— Но куда идете вы-то сами?

— Я иду сказать одно слово адмиралу.

— Скажите ему лучше два слова,— произнес Морвель,— чтобы на этот раз, в случае, если он оправится от первого, ему не поздоровилось от второго.

— Будьте спокойны, господин Морвель, будьте спокойны! Вы только выдрессируйте мне как следует этого молодого человека!

— Ладно, ладно, не беспокойтесь! Коконнасы — чуткие ищейки и породистые охотничьи собаки!

— До свидания!

— Ступайте! Вы только начинайте охоту, а мы уж подоспеем к травле вовремя!

Бесм ушел, и Морвель, закрыв окно, сказал Коконнасу:

— Ну, слышали, молодой человек? Если у вас имеется какой-нибудь личный враг, хотя бы он и не был вполне гугенотом, то занесите его в список, и он сойдет вместе с другими.

Коконнас, более чем когда-либо изумленный всем увиденным и услышанным, по очереди смотрел то на хозяина гостиницы, принимавшего воинственные позы, то на Морвеля, который спокойно вытаскивал из кармана какую-то бумагу.

— Что касается меня, то вот мой список,— сказал он.— Их всего три сотни. Пусть только каждый добрый католик возьмет на себя десятую

часть моей задачи этой ночью, и завтра во всем королевстве не останется ни одного еретика!

— Тише! — заметил Ла Гюрьер.

— Что? — в один голос спросили его Коконнас и Морвель.

Послышался первый удар набатного колокола на церкви Сен-Жермен-л'Оксерруа.

— Сигнал! — воскликнул Морвель.— Значит, час настал. А мне говорили, что это будет только в полночь... Тем лучше!

В самом деле, колокол церкви заливался зловещим трезвоном. Вскоре послышался звук первого выстрела, и почти сейчас же свет множества факелов осветил улицу Арбр-Сек.

Коконнас прижал ко лбу мокрую от пота руку.

— Началось! — крикнул Морвель.— В дорогу!

— Погодите минутку,— сказал трактирщик,— прежде чем выступить в поход, необходимо позаботиться о безопасности жилищ. Я не желаю, чтобы во время моего отсутствия зарезали мою жену и детей, а здесь остается гугенот!

— Де Ла Моль? — спросил Коконнас.

— Да! Этот олух попал в волчье логово!

— Как? — продолжал Коконнас.— Вы нападете на вашего постояльца?

— Я никогда еще никого не убивал, кроме кроликов, уток и кур,— ответил трактирщик,— поэтому-то я и не знаю хорошенько, как надо приниматься за перерезывание глотки человеку. Ну, что же из этого! Я попрактикуюсь на де Ла Моле! По крайней мере, если я и покажу себя неловким, то никто надо мной не будет смеяться!

— Черт возьми, это не годится! — возразил Коконнас.— Де Ла Моль — мой товарищ, он ужинал со мной, играл в карты...

— Да, но он еретик,— ответил ему Морвель,— он осужден, и если не мы убьем его, так его убьют другие.

— Не говоря уже о том,— сказал трактирщик,— что он выиграл у вас пятьдесят экю и вам придется платить их. Ну а если я убью его, то вы будете в расчете!

— Скорей, скорей! Поторапливайтесь, господа! — крикнул Морвель.— Пускайте в ход все, что хотите: мушкет, шпагу, молоток, кочергу — что угодно, но только поскорее покончим с этим, чтобы, согласно данному обещанию, поспеть вовремя и помочь герцогу де Гизу

у адмирала.

— Ладно, бегу! — произнес Ла Гюрьер.— Ждите меня здесь.

— Черт возьми,— воскликнул Коконнас,— он заставит страдать этого бедного парня, а вдобавок, пожалуй, и обкрадет его! Я хочу пойти туда, чтобы прикончить де Ла Моля, если это понадобится, и помешать трактирщику обворовать его.

Сказав это, Коконнас бросился за Ла Гюрьером по лестнице и вскоре догнал его, так как по мере приближения к комнате гугенота трактирщик все замедлял и замедлял шаги — вероятно, из-за одышки.

В тот момент, когда он в сопровождении Коконнаса подошел к двери, на улице раздалось несколько выстрелов. Было слышно, как де Ла Моль сейчас же соскочил с кровати, и доски заскрипели под его шагами.

— Черт побери,— буркнул Ла Гюрьер,— он проснулся и будет еще, пожалуй, защищаться.

— Он способен на это. Но скажите-ка, Ла Гюрьер, если он убьет вас, вот будет потеха!

— Гм... гм...— ответил трактирщик, но, нащупав мушкет, ободрился и в приливе храбрости сильным ударом ноги открыл дверь.

Они увидели де Ла Моля без шляпы, но совершенно одетого, забаррикадировавшегося кроватью, со шпагой в зубах и парой пистолетов в руках.

— О! О! — сказал Коконнас, и его ноздри раздулись, как у дикого животного, почуявшего запах крови.— Это, кажется, становится интересным! Ну же, вперед, вперед!

— А, меня собираются убить, кажется! — воскликнул де Ла Моль, сверкая глазами.— И кто? Ты, негодяй?

Ла Гюрьер ответил на эту фразу тем, что взял на прицел мушкета голову молодого человека. Но тот бросился на колени, и пуля просвистела мимо.

— Ко мне! — крикнул де Ла Моль.— Ко мне, господин Коконнас!

— Ко мне! — крикнул Ла Гюрьер.— Ко мне, господин Морвель!

— Ей-богу же, граф де Ла Моль,— сказал Коконнас,— все, что я могу сделать для вас в этом деле, так это остаться в стороне. Кажется, сегодня ночью собираются перебить всех гугенотов во имя короля. Уж вы сами изворачивайтесь, как умеете!

— А, предатели! А, убийцы! — крикнул де Ла Моль и прицелился в

свою очередь.

Но, когда он спускал курок одного из своих пистолетов, Ла Гюрьер, который зорко следил за его движениями, успел отскочить в сторону. Однако Коконнас, не ожидая этого, остался стоять на месте, и пуля скользнула по его плечу.

— Черт возьми,— закричал он, скрежеща зубами,— ты сам этого захотел, так имей же теперь дело с нами обоими!

И, обнажив шпагу, он бросился на де Ла Моля.

Без сомнения, если бы Коконнас был один, то де Ла Моля встретил бы его со шпагой в руках. Но позади Коконнаса был Ла Гюрьер, снова заряжавший свой мушкет, не считая Морвеля, который, следуя зову трактирщика, во весь дух несся по лестнице. Поэтому де Ла Моля бросился в соседнюю комнату, успев запереть на задвижку дверь за собой.

— Ах, шельма! — крикнул взбешенный Коконнас, ударяя рукояткой шпаги в дверь.— Ну, подожди же, подожди! Я наделаю в твоём теле столько же дыр шпагой, сколько экую выиграл ты у меня сегодня! А! Я пришел, чтобы избавить тебя от страданий, чтобы помешать обокрасть тебя, а в благодарность за это ты посылаешь мне пулю в плечо? Ну, погоди же, негодяй, погоди!

Вслед за ним к двери подошел Ла Гюрьер, который ударом приклада разбил дверь в щепки.

Коконнас бросился в кабинет, но тот был пуст, а окно открыто.

— Он выпрыгнул отсюда,— сказал трактирщик,— а так как это четвертый этаж, то он, без сомнения, разбился насмерть.

— Или спасся по крыше соседнего дома,— выразил предположение Коконнас, перебираясь через решетку окна и собираясь преследовать де Ла Моля по этому скользкому и крутому скату крыши.

Но Морвель и Ла Гюрьер бросились к нему и втащили обратно в комнату.

— Вы с ума сошли, что ли? — сказали они ему.— Вы могли разбиться насмерть!

— Пустяки! — возразил Коконнас.— Я горец и привык ходить по ледникам. Пустите меня!

— Да полно! — сказал Морвель.— Он или мертв, или теперь уже далеко. Пойдемте с нами, и если этому негодяю суждено спастись от вашей руки, то вы найдете тысячу других!

И они поспешно сошли с лестницы.

— К адмиралу! — крикнул Морвель, и оба его спутника повторили за ним этот крик.

Из гостиницы «Прекрасная звезда» они направились к дому адмирала, помещавшемуся на улице Бетизи. Яркий свет и шум перестрелки указывали им путь.

— Э! Кто это там бежит? — воскликнул Коконнас.— Какой-то человек без камзола и повязки; это, должно быть, спасающийся еретик! Ну-ка, господа, у вас мушкеты в руках, это ваша дичь!

— Что касается меня, то нет,— сказал Морвель.— Я берегу порох для более ценной дичи!

— Ну, так вам, Ла Гюрьер!

— Пойдите, пойдите! — отвечал трактирщик, прицеливаясь.

— Ну вот! «Пойдите»! — крикнул Коконнас.— Да пока мы будем стоять, он убежит.

Сказав это, он бросился преследовать несчастного, которого ему удалось вскоре догнать, так как тот был уже ранен. Но в тот момент, когда, не желая поразить его сзади, Коконнас крикнул беглецу: «Повернись! Да повернись же!» — раздался выстрел, пуля просвистела мимо уха Коконнаса, и беглец покатился по земле, словно заяц, которого на всем скаку поразила пуля охотника.

Позади Коконнаса раздался крик торжества; пьемонтец обернулся и увидел Ла Гюрьера, который радостно махал оружием.

— Ага! — крикнул он.— На этот раз я попал!

— Да, но вы чуть-чуть не попали в него сквозь меня!

— Берегитесь, берегитесь! — крикнул вдруг Ла Гюрьер.

Коконнас отскочил назад. Раненый приподнялся на одно колено и, пылая жаждой мщения, собирался проткнуть Коконнаса кинжалом в тот момент, когда предупреждение трактирщика заставило графа оглянуться.

— Вот гадина! — крикнул Коконнас и, бросившись на раненого, три раза вонзил в него шпагу по самую рукоять, после чего, оставляя гугенота биться в предсмертных конвульсиях, крикнул: — Ну а теперь к адмиралу Колиньи!

И все трое продолжили свой путь.

VIII

РЕЗНЯ

Дом, в котором жил адмирал, как мы уже сказали, находился на улице Бетизи. Это было большое здание, сооруженное в глубине земельного участка и сообщавшееся двумя флигелями с улицей. Широкие ворота и пара маленьких калиток в каменной ограде открывали доступ во двор.

Когда трое приверженцев де Гиза дошли до начала улицы Бетизи, составляющей продолжение улицы Фоссе-Сен-Жермен-л'Оксерруа, они увидели, что дом окружен швейцарцами, солдатами и вооруженными горожанами; у каждого в руке была либо шпага, либо копье, либо мушкет, а у некоторых, кроме того, по факелу. Вокруг дома, на улицах Тирешап, Этьен и Бертен-Пуаре, совершалось страшное дело. Слышались жалобные крики, трещали выстрелы мушкетов, и время от времени какой-нибудь несчастный, полураздетый, бледный, окровавленный, врывался, словно затравленный олень, в круг зловещего света, где, казалось, роился целый легион дьяволов, и падал.

В скором времени Коконнас, Морвель и Ла Гюрьер, издали узнанные по белым крестам и встреченные благожелательными криками, замешались в эту густую толпу. Им, без сомнения, не удалось бы пройти сквозь нее к дому, если б Морвеля не узнали. Толпа расступилась, пропуская его, а Коконнас и Ла Гюрьер скользнули за ним следом во двор, все калитки и ворота которого были широко распахнуты.

В центре стоял какой-то человек, к которому прочие убийцы относились с видимым почтением; он опирался на обнаженную шпагу и вглядывался в балкон, выступавший перед окном в центре дома на высоте около пятнадцати футов. Этот человек с нетерпением топал ногой и время от времени поворачивался к тем, которые стояли поближе, чтобы спросить их о чем-нибудь.

— Все еще ничего! — бормотал он. — Никого... Наверное, его предупредили и он спасся бегством. Что вы думаете об этом, дю Гаст?

— Это невозможно, ваша светлость!

— Почему? Разве вы не говорили мне сами, что за момент до нашего появления в дверь постучался какой-то человек, прибежавший без

шапки и с обнаженной шпагой в руках, словно его преследовали, и что его впустили в дом?

— Да, но сейчас же прибыл Бесм, двери взломали и обыскали весь зал. Этот субъект мог, разумеется, войти в дом, но не выйти оттуда!

— Однако уж не герцог ли де Гиз стоит там? — спросил Коконнас у Ла Гюрьера.

— Он самый. Он, без сомнения, ждет выхода адмирала, чтобы поступить со старым Гаспаром так же, как тот поступил с его отцом!

— Эй! Бесм! Эй! — крикнул герцог своим громким голосом.— Неужели до сих пор не кончено?

В этот момент из дома слышались крики, потом звуки выстрелов, сильный топот и звяканье оружия; затем опять все смолкло.

Герцог сделал движение, как бы собираясь броситься в дом.

— Ваша светлость, ваша светлость! — сказал ему дю Гаст, подходя и останавливая герцога.— Ваше достоинство требует от вас, чтобы вы оставались на месте и ждали.

— Ты прав, спасибо! Я подожду. Но вдруг он ускользнет от меня?

Вдруг шум шагов слышался ближе, и окна первого этажа осветились отблеском пожара. Окно, на которое так часто и с таким нетерпением поглядывал герцог де Гиз, открылось или, вернее, разлетелось вдребезги, и на балконе показался человек с бледным лицом, весь залитый кровью.

— Бесм,— закричал герцог,— наконец-то ты явился! Ну, что там?

— А вот, а вот! — хладнокровно ответил немец, причем он нагнулся и сейчас же выпрямился с видом человека, поднимающего тяжелый груз.

— Ну а другие? — с нетерпением спросил герцог.— Где другие?

— Другие кончают свои дела!

— А ты что сделал?

— Вот сейчас увидите. Отойдите немножко!

Герцог сделал шаг назад.

В этот момент можно было разглядеть предмет, который с таким трудом поднимал Бесм. Это было тело старика. Немец поднял его на перила балкона, раскачал и бросил к ногам своего господина.

— Адмирал! — закричали наиболее близко стоявшие и тотчас же смолкли.

— Да, это адмирал. Это Колиньи! — сказал герцог, подходя к телу и

всматриваясь в него с молчаливой радостью.

— Адмирал! Адмирал! — вполголоса повторили остальные свидетели этой ужасной сцены.

— А, так вот ты где наконец, Гаспар! — торжествуя, сказал герцог де Гиз.— Ты убил моего отца, теперь я отомстил за него!

И он осмелился поставить ногу на грудь героя-протестанта.

Но в тот же момент глаза умирающего с трудом открылись, его окровавленная и обезображенная рука конвульсивно скорчилась в последний раз, и адмирал замогильным голосом сказал герцогу:

— Генрих де Гиз, настанет день, когда и ты почувствуешь ногу убийцы на своей груди. Я не убивал твоего отца. Будь проклят!

Герцог почувствовал, как ледяная дрожь пронизывает его тело; он схватился за лоб, словно желая отогнать от себя злое видение; когда же он решился снова перевести взгляд на адмирала, то увидел, что глаза Колиньи закрылись, рука снова стала неподвижной, а изо рта на белую бороду текла черная кровь.

Герцог поднял свою шпагу с жестом отчаяния.

— Ну, что же, ваша светлость,— спросил у него Бесм,— довольны ли вы?

— Да, храбрец мой, очень доволен,— ответил де Гиз,— так как ты отомстил за...

— За герцога Франсуа, конечно?

— За религию,— продолжал де Гиз глухим голосом.— Ну а теперь, — сказал он, обращаясь к швейцарцам, солдатам и городской милиции, толпившимся на дворе,— за дело, друзья мои, за дело!

— А, здравствуйте, господин де Бесм! — крикнул тогда Коконнас, подходя с каким-то восхищением к немцу, который спокойно вытирал шпагу.

— Так это вы его так попотчевали? — с восторгом крикнул Ла Гюрьер.— Но как же вы сделали это?

— О! Это так просто сделано, так просто! Он услышал шум, открыл дверь, а я всадил в него свою шпагу. Но это еще не все!.. Я слышал, там кричат.

Действительно, в этот момент раздались крики ужаса, испускаемые, по-видимому, женщиной. Вдруг показались два человека, преследуемые длинной вереницей убийц. Выстрел из мушкета уложил на месте одного из них; другой спасся через открытое окно и, не соразмеряя высоты, не

беспокоясь о врагах, поджидавших его внизу, отважно прыгнул во двор.

— Бейте его, бейте! — кричали убийцы, видя, что их жертва готова ускользнуть от них.

Человек встал и, подняв шпагу, выпавшую у него из рук от толчка при падении на землю, бросился, нагнув голову, прямо на толпу, опрокинул троих или четверых из них, проткнул одного своей шпагой и среди пистолетных выстрелов, среди неистовства взбешенных солдат, словно молния, пронесся мимо Коконнаса, поджидавшего его у ворот с кинжалом в руке.

— Готово! — вскрикнул пьемонтец, пронизывая ему руку метким ударом.

— Подлец! — ответил беглец и ударил его шпагой плашмя по лицу, так как было слишком мало места, чтобы ткнуть его острием.

— Тысяча чертей! — вскрикнул Коконнас.— Это де Ла Моль!

— Это — тот самый, который предупредил адмирала! — закричали многие солдаты.

— Бейте его, бейте! — зарычали со всех сторон.

Коконнас, Ла Гюрьер и человек десять солдат бросились преследовать де Ла Моля, который, истекая кровью, дойдя до той степени возбуждения, когда у человека удесятерятся силы, словно ветер, неся по улицам, руководствуясь только инстинктом. Шум шагов и крики его преследователей давали ему крылья. Порой мимо его головы свистели пули, что заставляло его бежать еще быстрее. Кровь и пот капали с его волос, смешиваясь и стекая ручейками по лицу.

Вскоре камзол показался слишком тесным для трепетавшего в неистовом биении сердца, и де Ла Моль сбросил его. Вскоре шпага показалась слишком тяжелой для его руки — он бросил и ее. По временам ему казалось, что шум шагов отдалялся и что он вот-вот ускользнет от своих палачей, но на крик последних сбегались другие убийцы, которые бросали свое кровавое дело и сбегались на помощь. Вдруг де Ла Моль увидел налево от себя реку, которая мирно катила свои волны; ему показалось, что он испытает невыразимое наслаждение, если бросится туда, и только высшее напряжение воли и разума удержало его. Направо от него был Лувр, мрачный, неподвижный, но полный зловещих, глухих шумов. По подъемным мостам сновали каски, кирасы. Де Ла Моль вспомнил о короле Наваррском, как прежде подумал об адмирале Колиньи; это были его единственные

покровители. Он собрал последние силы, ловким обходным движением выиграл у преследователей шагов тридцать расстояния, бросился прямо в Лувр, перебежал по подъемному мосту, полному сновавшими там солдатами, получил еще удар кинжалом и, не обращая внимания на крики: «Бей его, бей!», раздававшиеся вокруг и сзади него, несмотря на то, что часовые встали в оборонительное положение,— бросился стрелой во двор, проскочил через вестибюль, поднялся в несколько скачков по лестнице во второй этаж, узнал одну из дверей и, прислонившись к ней, принялся стучать в нее руками и ногами.

— Кто там? — прошептал женский голос.

— О господи! — пробормотал де Ла Моль.— Идут... идут... Я слышу их... вижу... вот они... Это я!.. я!..

— Кто вы? — снова спросил голос.

— «Наварра»! «Наварра»! — крикнул де Ла Моль, вспомнив пароль.

Дверь тотчас же открылась. Де Ла Моль, не видя, не поблагодарив Жийону, кинулся бежать через ряд комнат, пока не вбежал в чью-то спальню, освещенную лампой, свисавшей с потолка.

В кровати из резного дуба, за бархатными занавесами лежала полунагая женщина. Она открыла в ужасе глаза и приподнялась.

Де Ла Моль, взглянув на нее, узнал в ней королеву Маргариту, бросился к ней и крикнул:

— Ваше величество, там убивают моих братьев! Хотят убить и меня, хотят и мне перерезать горло! О, вы — королева, так спасите меня!

И он бросился к ногам Маргариты, оставляя на ковре длинный кровавый след.

Увидев этого бледного, растерзанного, преклоненного перед ней человека, королева Наваррская в ужасе вскочила и, закрыв лицо руками, стала звать на помощь.

— Ваше величество,— продолжал де Ла Моль, делая усилие, чтобы встать на ноги,— во имя неба, не зовите сюда никого, потому что, если вас услышат, я погибну! Меня преследуют убийцы, они уже на лестнице. Я слышу их... вот они!

— На помощь! — кричала королева Наваррская, теряя голову.

— Ах, ведь вы убиваете меня! — с отчаянием в голосе сказал де Ла Моль.— Умереть от такой прекрасной руки, умереть от звуков такого дивного голоса! Ах, я никогда не поверил бы, что это возможно!

В тот же момент дверь распахнулась, и в спальню ворвалась толпа

задыхавшихся, взбешенных людей, с лицами, запачканными кровью и порохом, с мушкетами, алебардами и шпагами в руках. Впереди всех был Коконнас.

— Черт возьми,— крикнул он,— вот он, вот он! Ну, уж на этот раз ты от нас не уйдешь!

Де Ла Моль оглянулся, чтобы найти какое-нибудь оружие, но не находил никакого. Он посмотрел на королеву и увидел на ее лице глубокое сочувствие. Тогда он понял, что лишь она может спасти его; он бросился к Маргарите и охватил ее своими руками.

Коконнас сделал три шага вперед и концом своей длинной шпаги еще раз ткнул врага в плечо, так что несколько капель яркой теплой крови рубинами усеяло белое, душистое одеяние Маргариты.

Королева увидела, как течет кровь, почувствовала судорожное трепетание тела, обвиняемого вокруг нее, и бросилась вместе с ним в проход за кроватью. И вовремя. Де Ла Моль, чувствуя полное истощение сил, не был в состоянии сделать какое-либо движение ни для защиты, ни для бегства. Он опустил свою голову на плечо молодой женщины, и его пальцы судорожно впились в тонкий расшитый батист, легким облаком окружавший тело Маргариты.

— Ах, ваше величество,— пробормотал молодой человек умирающим голосом,— спасите!..

Больше он ничего не мог сказать. Его отяжелевшая голова откинулась назад, колени подогнулись, и он скользнул на пол в лужу собственной крови, увлекая за собой и королеву.

В этот момент Коконнас, возбужденный запахом крови, протянул руку по направлению к королевскому алькову. Еще мгновение — и его шпага пронзила бы сердце де Ла Моля, а быть может, и Маргариты.

Но при виде обнаженного лезвия королева поднялась во весь рост и испустила крик, до такой степени полный ужаса, бешенства и негодования, что пьемонтец замер, пораженный каким-то неведомым чувством. Однако если бы эта сцена оставалась долее без вмешательства новых лиц, то это чувство растаяло бы, словно снег на утреннем солнце. Но вдруг через потайную дверь в стене появился молодой человек шестнадцати-семнадцати лет, одетый во все черное, бледный и с растрепанными волосами.

— Подожди, сестра, подожди! — кричал он.— Вот и я!

— Франсуа, Франсуа! Ко мне! На помощь! — крикнула Маргарита.

— Герцог Алансонский! — пробормотал Ла Гюрьер, опуская свой мушкет.

— Черт возьми, принц крови! — буркнул Коконнас, отскакивая назад.

Герцог Алансонский окинул комнату быстрым взглядом. Он увидел Маргариту, растрепанную, более прекрасную, чем когда-либо, прислонившуюся к стене, окруженную людьми, в глазах которых сверкало бешенство, а губы покрывала пена ярости, и крикнул:

— Негодяи!

— Спаси меня, брат! — в изнеможении сказала Маргарита.— Они хотят убить меня!

Пламя сверкнуло во взоре бледного герцога. Хотя он и был безоружен, но, сжав кулаки, бросился на Коконнаса и его спутников, которые отскочили в ужасе от молний, сверкавших из глаз принца.

— Вы осмелились напасть с оружием в руках на принцессу крови? Ладно же! — крикнул герцог и, видя, что они продолжают отступать от него, продолжал: — Эй, стража, сюда! Хватайте и повесьте сейчас же всех этих разбойников!

Более испуганные видом этого безоружного человека, чем если бы против них выступил целый взвод всадников или ландскнехтов, убийцы бросились вон. Коконнас уже достиг двери, а Ла Гюрьер бежал по лестнице, словно преследуемый олень; солдаты, толкаясь, протискивались в двери прихожей, чтобы убраться как можно скорее.

В течение этого времени Маргарита успела инстинктивно прикрыть упавшего в обморок молодого человека своим одеялом и отошла от него.

Когда последний убийца исчез из комнаты, герцог Алансонский обернулся к сестре и, увидев, что она вся залита кровью, вскрикнул:

— Маргарита, ты ранена?

— Нет,— ответила она,— не думаю, а если ранена, то очень легко.

— Но эта кровь,— сказал герцог, дрожащими руками ощупывая тело Маргариты.— Эта кровь, откуда она?

— Не знаю,— ответила молодая женщина,— вероятно, оттого, что один из этих негодяев занес на меня руку; быть может, он был ранен...

— Занес руку на мою сестру! — воскликнул герцог.— О, если бы ты только показала мне его пальцем, если бы ты сказала мне, кто это, я сумел бы найти его!

— Тише! — сказала ему Маргарита.— Что, если тебя увидят в такой час в моей спальне?

— Неужели брат не может навестить сестру, Маргарита?

Королева посмотрела на герцога Алансонского таким угрожающим взглядом, что молодой человек отшатнулся.

— Да, да, Маргарита,— продолжал он,— ты права. Хорошо, я сейчас пойду к себе. Но ты не можешь оставаться одна в такую ужасную ночь! Хочешь, я позову Жийону?

— Нет, нет, мне никого не нужно. Ступай, Франсуа, ступай туда, откуда ты пришел!..

Юный принц повиновался. Не успел он скрыться, как Маргарита, услышав вздох, раздавшийся позади кровати, бросилась к потайной двери, заперла ее на засов, затем подбежала к другой двери, которую тоже заперла, и только успела сделать это, как в коридоре послышался страшный топот — это преследовали гугенотов, живших в Лувре.

Тогда, внимательно оглянувшись по сторонам, словно желая убедиться, действительно ли она одна, королева вернулась к проходу за кроватью, подняла одеяло, скрывавшее тело де Ла Моля от взглядов герцога Алансонского, с трудом втащила в комнату неподвижное тело и, увидев, что несчастный еще дышал, опустила на пол, положила его голову к себе на колени и брызнула на него водой, стараясь привести молодого человека в чувство.

В раненом Маргарита узнала того самого красивого дворянина, который часа три-четыре тому назад явился к ней, полный жизни и надежды, просить ее протекции у короля Наваррского, и оставил ее пораженной дивным расцветом его красоты.

Маргарита испустила крик ужаса, так как теперь она чувствовала к раненому нечто большее, чем простое сострадание. В самом деле, ведь раненый был для нее не только жертвой, но и знакомым. Она омыла лицо де Ла Моля, и вскоре его щеки показались из-под слоя грязи и крови, пугая бледностью, искаженные страданием. Маргарита испуганно приложила свою руку к его сердцу и почувствовала, что оно еще билось. Тогда она протянула руку, достала флакончик с нюхательной солью и приложила его к носу раненого.

Де Ла Моль открыл глаза.

— О боже мой! — пробормотал он.— Где я?

— Вы спасены! Успокойтесь! Спасены! — сказала Маргарита.

Де Ла Моль с усилием повернулся к королеве и пробормотал:

— О, как вы прекрасны!

И, словно ослепленный, он снова закрыл веки, испустив вздох.

Маргарита вскрикнула. Молодой человек побледнел еще более, если только это было возможно; на мгновение она подумала, что это было его последним вздохом.

— О господи боже мой,— взмолилась она,— сжался над ним!

В этот момент кто-то сильно постучался в дверь из коридора.

Маргарита приподнялась, поддерживая де Ла Моля за плечо.

— Кто там? — крикнула она.

— Ваше величество, это я! — ответил женский голос.— Я, герцогиня Неверская!

— Генриетта! — воскликнула Маргарита.— О, опасности нет! Это друг, слышите вы? — обратилась она к раненому.

Де Ла Моль сделал усилие и приподнялся на одно колено.

— Попробуйте продержаться, пока я открою дверь,— сказала королева.

Раненый оперся рукой об пол и старался сохранить равновесие, что ему наконец удалось.

Маргарита сделала шаг по направлению к двери, но вдруг остановилась, содрогнувшись от ужаса.

— Ах, ты не одна? — воскликнула она, услышав звяканье оружия.

— Нет, со мною двенадцать гвардейцев, которых мне оставил мой зять де Гиз.

— Де Гиз! — пробормотал де Ла Моль.— О, убийца! Если бы мне только шпагу и кинжал!

— Чтобы сразиться? Бесполезно; разве вы не слышали? Их двенадцать, а вы один.

— Не для того, чтобы сразиться, но чтобы не дать в руки живым.

— Нет, нет! — воскликнула Маргарита.— Нет, я спасу вас. Ах! Вот кабинет! Идите, идите!

Де Ла Моль сделал усилие и, поддерживаемый Маргаритой, дотащился до кабинета. Маргарита заперла за ним дверь и, спрятав ключ в свой кошелек, сказала ему сквозь дверь:

— Ни крика, ни вздоха, ни стоны, и вы будете спасены.

Затем, накинув плащ, она пошла открывать дверь подруге, которая бросилась в ее объятия.

— Ах! — воскликнула она.— С вами ничего не случилось, не правда ли, ваше величество?

— Нет, ничего,— успокоила ее Маргарита, запахивая плащ, чтобы скрыть пятна крови на пеньюаре.

— Тем лучше; во всяком случае, так как герцог де Гиз дал мне двенадцать человек конвоя, чтобы проводить меня в его дворец, а я не нуждаюсь в такой большой свите, то я оставлю шестерых из них у вас. Шестеро солдат герцога де Гиза в эту ночь стоят больше, чем целый полк короля.

Маргарита не решилась отказаться; она расставила оставленных ей шестерых солдат в коридоре и поцеловала герцогиню, которая с шестью остальными отправилась во дворец герцога де Гиза, где она жила в отсутствие мужа.

IX УБИЙЦА

Коконнас не бежал, а отступил. Ла Гюрьер не бежал, а ринулся на врага. Результатом этого было то, что Ла Гюрьер находился уже на площади Сен-Жермен-л'Оксерруа в то время, когда Коконнас только выходил из Лувра.

Ла Гюрьер, увидев, что он остался один со своим мушкетом среди бегущей толпы, свистящих пуль и выбрасываемых из окон трупов, почувствовал страх и попытался со всевозможными предосторожностями добраться до своей гостиницы. Но, свернув с улицы Арбр-Сек на улицу Аверон, он наскочил на отряд, состоявший из швейцарцев и легкой конницы: это был тот самый отряд, которым командовал Морвель.

— Итак,— воскликнул последний,— вы уже справились? Вы возвращаетесь обратно? А что, черт возьми, вы сделали с нашим пьемонтским дворянином? Уж не приключилось ли с ним какого-нибудь несчастья? Это было бы жаль, потому что он вел себя молодцом.

— Я думаю, нет,— успокоил его Ла Гюрьер,— я надеюсь, что он нагонит нас.

— Вы откуда?

— Из Лувра, где, надо сказать, нас встретили довольно сурово.

— А кто?

— Герцог Алансонский. Кому же и быть иному, кроме него.

— Герцог Алансонский принимает к сердцу только то, что касается лично его. Предложите ему поступить с его двумя старшими братьями как с гугенотами, и он согласится, лишь бы дело было сделано, не компрометируя его. А вы разве не присоединитесь к этим храбрым молодцам? Они отправляются на улицу Монторгей. Там живет один известный мне гугенотский священник; у него жена и шестеро детей. Эти еретики страшно плодятся.

— А вы куда направляетесь?

— Я? Я отправляюсь по частному делу.

— Эй, послушайте! Не ходите туда без меня,— раздался голос, заставивший Морвеля вздрогнуть,— вам известны хорошие места, а я не прочь посетить их.

— Ах, это наш пьемонтец! — воскликнул Морвель.

— Это граф Коконнас,— проговорил Ла Гюрьер.— Я знал, что вы последуете за мною.

— Черт возьми! Я немного взял в сторону, чтобы бросить в реку противного мальчишку, который кричал: «Долой папистов, да здравствует адмирал!» Мне кажется, что, к сожалению, негодяй умеет плавать.

— А! Вы говорите, что возвращаетесь из Лувра? Значит, ваш гугенот спрятался там? — спросил Морвель.— Я выстрелил в него из пистолета в ту минуту, когда он поднимал свою шпагу на дворе адмирала; но не знаю, как это случилось, что я не попал в него.

— Но зато я не промахнулся,— сказал Коконнас,— я нанес ему такой удар в спину, что лезвие было мокро на пять дюймов от острия. Затем я видел, как он упал в объятия королевы Маргариты — хорошенькой женщины, черт возьми! А все же я не прочь был бы удостовериться, что он умер. Ну, да ладно! Ведь вы, кажется, сказали, что отправляетесь куда-то?

— Значит, вы хотите пойти со мной?

— Я не хочу оставаться на месте, черт побери! Я убил только троих или четверых. В дорогу!

— Капитан,— обратился Морвель к начальнику отряда,— дайте мне трех человек и отправляйтесь к вашему священнику с остальными.

Трое швейцарцев отделились и присоединились к Морвелю. Последний, Коконнас, Ла Гюрьер и швейцарцы прошли улицу Ферронери, затем Трусс-Ваш и дошли до улицы Сент-Авца.

— К какому же черту вы нас ведете? — спросил Коконнас, которому уже начала надоедать эта бесцельная ходьба.

— Я веду вас к цели, одновременно блестящей и полезной. Будьте терпеливы. Нам надо попасть на улицу Шом, и мы будем там через минуту.

— Скажите,— спросил Коконнас,— а улица Шом близко от Тампля?

— Да, а зачем вам это?

— Ах, там живет старый кредитор нашей семьи, некий Ламбер Меркандон; мой отец поручил мне передать ему сто золотых, которые и лежат у меня в кармане для этой цели.

— Итак,— сказал Морвель,— вот вам прекрасный случай расквитаться с ним. А ваш Меркандон не гугенот?

— Мне кажется, да,— произнес Коконнас.

— Тс-с! Мы пришли.

— Чей это дворец с павильоном на улицу?

— Дворец де Гизов.

— В самом деле? — изумился Коконнас.— Мне, во всяком случае, следовало явиться сюда, потому что я явился в Париж под покровительство великого Генриха. Однако, черт возьми, в этом квартале все спокойно; все спят, или я ошибаюсь.

Действительно, дворец де Гизов был спокоен, как всегда. Все окна были закрыты, только в центральном окне мерцал свет из-за жалюзи; он-то и привлек внимание Коконнаса, когда он выходил на эту улицу.

Пройдя мимо дворца де Гизов, Морвель вскоре остановился.

— Здесь живет тот, кого мы ищем,— сказал он.

— Как? В этом доме все, по-видимому, покоятся таким безмятежным сном!..— воскликнул Ла Гюрьер.

— Именно! Вы, Ла Гюрьер, воспользуетесь своей честной наружностью, которую по ошибке дало вам небо, и постучитесь в дверь. Передайте свой мушкет Коконнасу; я вижу, что он уже целый час посматривает на него. Если вас впустят, попросите разрешения переговорить с господином де Муи.

— Ага,— проговорил Коконнас,— теперь я понимаю: по-видимому, у вас тоже есть кредитор в Тампльском квартале.

— Совершенно верно,— продолжал Морвель.— Вы войдете, притворившись гугенотом, предупредите де Муи обо всем, что происходит; он храбр, он пойдет... А затем я попрошу его помериться со мной шпагами.

— Клянусь душой, он — храбрый дворянин,— воскликнул Коконнас,— и я намерен проделать то же самое с Ламбером Меркандоном; а если он слишком стар, чтобы принять мой вызов, то я обращусь к одному из его сыновей или племянников.

Ла Гюрьер без возражений постучал в дверь; на раздавшийся в ночной тишине стук во дворце де Гизов открылось несколько дверей, и из-за них высунулось несколько голов; теперь можно было увидеть, что дворец был так же спокоен, словно крепость, потому что был полон солдат. Головы скрылись почти тотчас, по-видимому угадав, что происходит.

— Значит, ваш де Муи живет там? — спросил Коконнас, указав на

дом, в дверь которого продолжал стучать Ла Гюрьер.

— Нет, здесь живет его любовница.

— Черт возьми! Какую любезность вы оказываете ему, давая возможность обнажить шпагу на глазах своей возлюбленной!.. Значит, мы будем свидетелями поединка?

Ла Гюрьер продолжал стучать.

Вскоре одно из окон первого этажа раскрылось, и на балконе появился человек в ночном колпаке, в кальсонах и без оружия.

— Кто там? — крикнул этот человек.

Морвель сделал знак швейцарцам, которые притаились за углом дома, в то время как Коконнас как бы прилип к стене.

— А, господин де Муи,— спросил трактирщик своим льстивым голосом,— это вы?

— Да, это я.

— Разве вам не известно, что происходит? — продолжал Ла Гюрьер.

— Убили адмирала Колиньи, убивают наших братьев по вере. Спешите им на помощь, спешите!

— О,— крикнул де Муи,— я был уверен, что что-то затевается в эту ночь! Ах, я не должен был покидать своих храбрых товарищей. Сейчас, друг мой, сейчас, подождите меня.

И, не затворив окна, откуда донеслись восклицания испуганной женщины и несколько слов нежной мольбы, де Муи схватил свой камзол, плащ и оружие.

— Он сходит, он сходит! — пробормотал Морвель, бледный от радости.— Будьте настороже!

Затем, взяв мушкет у Коконнаса и дунув на трут, чтобы убедиться, что он не погас, подал мушкет трактирщику, присоединившемуся к остальному отряду.

— Возьми, Ла Гюрьер!

— Черт возьми! — воскликнул Коконнас.— Вон выходит луна из-за облака, чтобы быть свидетельницей этой прекрасной встречи. Я отдал бы много за то, чтобы Ламбер Меркандон присутствовал здесь и был секундантом у де Муи.

— Пойдите, пойдите! — сказал Морвель.— Де Муи один стоит десятерых, и, пожалуй, нам шестерым нелегко будет справиться с ним. Подойдите сюда! — продолжал Морвель, делая знак швейцарцам встать у дверей, чтобы напасть на де Муи, как только тот выйдет.

Уже слышно было, как де Муи отодвигал засов. Швейцарцы вышли из засады и заняли место у дверей. Морвель и Ла Гюрьер подошли на цыпочках, в то время как Коконнас, сохраняя достоинство дворянина, оставался на месте. Вдруг молодая женщина, о которой все забыли, показалась на балконе и громко вскрикнула, увидав швейцарцев, Морвеля и Ла Гюрьера.

Де Муи, уже приоткрывший дверь, остановился.

— Иди наверх, иди наверх! — крикнула молодая женщина.— Я вижу, как сверкают шпаги, я вижу зажженный трут мушкета. Это засада!

— Ого! — пробормотал молодой человек.— Посмотрим, что все это значит.

И он снова затворил дверь, задвинул засов и поднялся наверх.

Боевой план Морвеля был изменен тотчас же, как только он увидел, что де Муи не выйдет. Швейцарцы выстроились на другой стороне улицы, а Ла Гюрьер, приготовившись к выстрелу, ожидал, когда враг появится в окне. Ждать пришлось недолго. Де Муи подошел к окну, но вытянул перед собой пистолеты таких внушительных размеров, что Ла Гюрьер, который уже прицелился в него, внезапно переменял решение.

«Положим, я могу убить этого дворянина, но и он в то же самое время может убить меня»,— подумал он.

Эта мысль заставила его искать убежища за углом улицы Брак, которая находилась на таком расстоянии, что он без особого труда мог под покровом ночи без промаха пустить оттуда пулю в де Муи.

Де Муи осмотрелся кругом и, держа себя как человек, приготовившийся к поединку, сказал:

— А, господин советчик, вы, кажется, забыли свой мушкет у моих дверей. Вот и я! Что же вам угодно от меня? Кто бы вы ни были, друзья или враги, разве вы не видите, что я жду вас?

Ла Гюрьер молчал. Морвель ничего не ответил, а трое швейцарцев не двигались.

Коконнас подождал с минуту, затем, видя, что никто не поддерживает разговора, начатого Ла Гюрьером с де Муи, вышел на середину улицы и, сняв шляпу, сказал:

— Мы явились сюда не для убийства, как вы могли бы предположить, а для дуэли. Я сопровождаю одного из ваших врагов, который желает иметь дело с вами, чтобы с возможной учтивостью

покончить с одной старой распрей. Ну, черт возьми, выходите же, господин Морвель, чего вы прячетесь? Господин принимает вызов.

— Морвель! — воскликнул де Муи.— Морвель, убийца моего отца, Морвель — королевский убийца! Ах, черт возьми! Да, я согласен!

И, прицелившись в Морвеля, бросившегося искать подкрепления во дворце де Гизов, он пробил ему шляпу пулей.

На звуки выстрела и крик Морвеля выбежали гвардейцы, сопровождавшие герцогиню Неверскую, за ними — трое или четверо дворян, и все подошли к дому возлюбленной де Муи.

Второй пистолетный выстрел в середину отряда положил на месте солдата, стоявшего рядом с Морвелем; после этого де Муи, оказавшись безоружным или, по крайней мере, с бесполезным оружием, так как его шпага не могла достать противников, спрятался за выступом балкона.

Между тем кое-где в соседних домах окна начали раскрываться, и, сообразно мирному или воинственному настроению обывателей, они или затворялись вновь, или щетинились мушкетами и пищалями.

— Ко мне, мой храбрый Меркандон! — воскликнул де Муи, делая знак человеку, уже пожилому, пытавшемуся хоть что-нибудь разглядеть в этом переполохе из открытого окна дома, противоположного дворцу де Гизов.

— Это вы зовете меня, господин де Муи? — крикнул старик.— Разве вам грозит опасность?

— Да — мне, вам, всем протестантам; смотрите, вот доказательство.

Действительно, в эту минуту де Муи увидел направленный в него мушкет Ла Гюрьера. Раздался выстрел, но молодой человек успел нагнуться, и пуля лишь разбила стекло над его головой.

— Меркандон! — воскликнул Коконнас, дрожавший от удовольствия при виде этой свалки и совсем было забывший о своем кредиторе, но вспомнивший о нем при восклицании де Муи.— Меркандон, улица Шом; так и есть! Ах, он живет там? Прекрасно! Каждый из нас разделается со своим противником.

И пока люди, выбежавшие из дворца де Гизов, выламывали двери в доме, где жил де Муи; пока Морвель с факелом в руке пытался поджечь дом, а ужасная битва закипала против де Муи, с каждым ударом своей шпаги опрокидывавшего врага, Коконнас пытался булыжником выбить дверь Меркандона, продолжавшего стрелять из окна.

Вдруг этот пустынный и темный дотоле квартал осветился, точно

днем, и заворошился, как муравейник; вышедшие из дворца Монморанси шесть или восемь дворян-гугенотов со своими слугами и друзьями ожесточенно атаквали людей Морвеля и загнали их обратно во дворец де Гизов, откуда они только что вышли.

Коконнас, не успевший еще вышибить дверь Меркандона, был увлечен этим стремительным потоком. Прислонившись к стене, он начал не только защищаться, но и нападать со столь ужасными возгласами, что они покрывали рев свалки. Он рубил направо и налево, нанося удары друзьям и врагам до тех пор, пока вокруг него не образовалась широкая брешь. По мере того как его шпага пронизывала грудь врага, он снова завоевывал утерянную позицию и, с расширенными зрачками, раздувшимися ноздрями и сжатыми кулаками, приближался к осажденному дому.

После ужасной битвы на лестнице и в вестибюле де Муи вышел из своего горящего дома, как настоящий герой. Он не переставал кричать: «Иди сюда, Морвель! Морвель, где ты?» — и осыпал его самыми нелестными эпитетами. Наконец он показался на улице, поддерживая одной рукой свою возлюбленную и держа кинжал в зубах. Его шпага описывала круги, то белые, то красные, смотря по тому, серебрила ли ее лезвие луна или свет факела освещал покрывавшую его кровь. Морвель бежал. Ла Гюрьер, оттесненный де Муи вплотную к Коконнасу, который не узнал его и встретил острием шпаги, просил пощады у обеих сторон. В эту минуту его увидел Меркандон и по белой перевязи узнал, что он принадлежит к заговорщикам-убийцам.

Грянул выстрел. Ла Гюрьер вскрикнул, вытянул руки, выронил мушкет и после тщетной попытки добраться до стены, чтобы опереться на нее, упал ничком на землю. Де Муи бросился на улицу Парадиз и исчез.

Соппротивление гугенотов было так упорно, что люди из дворца де Гизов, оттесненные, вошли во дворец и заперли все двери.

Коконнас, опьяненный кровью и шумом, ничего не видал и ничего не слышал. Он заметил только, что в ушах у него меньше шумело, а руки и лицо становились суше; он увидел лежавшего подле него человека, лицо которого уткнулось в лужу крови, а вокруг — горевшие дома.

Однако передышка была очень короткая; как раз в ту минуту, когда Коконнас собирался подойти к распростертому человеку, в котором, как ему казалось, он узнал Ла Гюрьера, дверь дома, которую он тщетно

пытался высадить ударами булыжника, распахнулась и старик Меркандон вместе с сыном и двумя племянниками набросились на переводившего дух пьемонтца.

— Вот он! Вот он! — воскликнули все в один голос.

Коконнас стоял посреди улицы и, боясь быть окруженным этими четырьмя противниками, напавшими на него одновременно, сделал скачок назад и прислонился к стене дворца де Гизов. Там он овладел собою и снова сделался насмешлив.

— А, дяденька Меркандон! — сказал он. — Вы меня не узнаете?

— Ах, презренный! — вскрикнул старый гугенот. — Ошибаешься, я прекрасно узнал тебя; ты набросился на меня, друга и товарища твоего отца!

— И его кредитора, не так ли?

— Да, его кредитора, как ты говоришь.

— Ну, так я явился свести счеты, — ответил Коконнас.

— Схватим его и свяжем, — сказал старик сопровождавшим его молодым людям.

— Погодите, погодите, — смеясь, возразил на это Коконнас. — Для того чтобы арестовать кого-нибудь, вам нужен письменный приказ, а вы забыли получить его у мэра.

И, говоря это, он скрестил свою шпагу с оружием того из молодых людей, который стоял ближе всех к нему, и при первом же ударе выбил из его руки кинжал своей шпагой. Несчастный отступил с яростным криком.

— Один! — сказал Коконнас.

В ту же минуту окно, под которым стоял Коконнас, открылось. Коконнас отскочил; но вместо врага в нем показалась женщина, и вместо смертоносного оружия к его ногам упал букет.

Он приветствовал даму движением шпаги и нагнулся, чтобы поднять букет.

— Берегись, храбрый католик, берегись! — воскликнула дама.

Коконнас поднялся, но второй племянник Меркандона уже успел прорезать ему плащ кинжалом и нанести удар в плечо.

Дама пронзительно закричала.

Коконнас поблагодарил ее и ринулся на второго племянника; тот отразил удар, но при втором выпаде его нога поскользнулась в крови. Тогда Коконнас набросился на него с быстротою тигра и пронзил ему

грудь шпагой.

— Так, так, храбрый рыцарь! — крикнула дама из дворца де Гизов.
— Прекрасно! Я пошлю вам помощь.

— Не стоит беспокоиться из-за этого,— сказал Коконнас,— вы сейчас увидите, как граф Аннибал де Коконнас расправляется с гугенотами.

В эту минуту сын старика Меркандона выстрелил почти в упор из пистолета в Коконнаса; последний упал на одно колено. Дама в окне вскрикнула, но Коконнас поднялся; он упал на колено лишь для того, чтобы уклониться от пули, ударившей в стену в двух футах от прекрасной зрительницы.

Почти в то же время из окна квартиры Меркандона раздался яростный крик, и старуха, по кресту и белому шарфу узнавшая в Коконнасе католика, бросила в него горшок с цветами, который ударил его выше колена.

— Превосходно! — сказал Коконнас.— Одна бросает мне цветы, а другая — горшки. Спасибо, матушка! — крикнул молодой человек.

— Уходи, жена, уходи! — крикнул старик Меркандон.

— Подождите, господин Коконнас, подождите,— сказала молодая дама из окна дворца де Гизов,— я прикажу стрелять из окон.

— А, черт возьми! Да здесь целая преисподняя женщин, из которых одни за меня, а другие — против! — вскрикнул Коконнас.— К черту! Пора кончать.

Противниками Коконнаса — правда, раненного, но сохранившего силу своего двадцатичетырехлетнего возраста, привыкшего к оружию и скорее раздраженного, чем ослабленного тремя или четырьмя царапинами, полученными им,— оставались Меркандоны, старик и его сын, шестнадцатилетний юноша, бледный и хрупкий блондин. Он отбросил свой разряженный и, следовательно, ставший уже бесполезным пистолет и потрясал шпагой, бывшей наполовину короче шпаги пьемонтца; отец, вооруженный только кинжалом и мушкетом, так же разряженным, призывал на помощь. Старуха, стоявшая у окна противоположного дома, мать молодого человека, держала в руке кусок мрамора и собиралась сбросить его. Наконец Коконнас, гордый своею двойной победой и опьяненный запахом крови, воспламененный мыслью, что он сражается на глазах у женщины, красота которой показалась ему столько же необычайной, насколько было несомненным

ее высокое происхождение, почувствовал, как удваиваются его силы, и, видя, что молодой человек в нерешительности, подбежал к нему и скрестил с его маленьким кинжалом свою ужасную смертоносную шпагу. Ему достаточно было двух ударов, чтобы выбить кинжал у противника. Тогда Меркандон попытался оттеснить Коконнаса, чтобы в него вернее попали снаряды, брошенные из окна. Но Коконнас, желая избежать двойного нападения — старика Меркандона и матери молодого человека, пытавшейся разmozжить ему голову камнем, схватился со своим противником врукопашную и стал душить его в своих геркулесовских объятиях.

— Помогите, помогите! — кричал молодой человек.— Он раздавит мне грудь... Помогите, помогите!

Тогда Меркандон, перестав угрожать, перешел к мольбам.

— Пощадите! Пощадите! — умолял он.— Это мой единственный сын.

— Это мой сын! Мой сын! — кричала мать.— Надежда нашей старости! Не убивайте его! Не убивайте!

— А, в самом деле! — воскликнул Коконнас, разражаясь смехом.— Я не должен убивать его! А что хотел он сделать со мною своею шпагой и пистолетом?

Меркандон продолжал взывать, умоляюще сложив руки:

— У меня есть обязательство, подписанное вашим отцом; я отдам его вам; у меня есть две тысячи экю золотом, у меня есть семейные драгоценности — они будут ваши, но не убивайте, не убивайте его!

— А у меня есть любовь,— раздался шепот молодой женщины из дворца де Гизов,— и я обещаю ее вам.

Коконнас подумал с минуту и вдруг спросил молодого человека:

— Вы гугенот?

— Да,— пробормотал юноша.

— В таком случае вы должны умереть! — ответил Коконнас, поднося к груди противника острый стальной кинжал.

— Умереть! — крикнул старик.— О, бедное мое дитя!

Раздавшийся крик матери был так искренен и полон такой скорби, что он поколебал на минуту суровую решимость пьемонтца.

— О герцогиня! — воскликнул отец, обращаясь к женщине, находившейся во дворце де Гизов.— Заступитесь за нас, и мы всегда будем поминать ваше имя в наших молитвах.

— Так пусть он отречется от своей веры! — сказала дама из дворца де Гизов.

— Я протестант,— возразил на это юноша.

— В таком случае умри,— проговорил Коконнас, заносся кинжал,— так как ты не хочешь получить жизнь, которую тебе дарили эти прекрасные уста.

Меркандон и его жена увидели, как страшное оружие, подобно молнии, сверкнуло над головой их сына.

— Мой сын, мой Оливье,— простонала мать,— отрекись... отрекись!

— Отрекитесь все! — крикнул Коконнас.— За ваше «Верую» три души и одну жизнь!

— Согласен,— проговорил молодой человек.

— Согласны! — крикнули Меркандон и его жена.

— В таком случае на колени! — скомандовал Коконнас.— И пусть твой сын повторит слово за словом молитву, которую я произнесу.

— Я готов,— сказал юноша и в свою очередь преклонил колени.

Коконнас начал произносить слова молитвы по-латыни. Но, случайно или преднамеренно, молодой Оливье встал на колени как раз у того места, куда отлетела его шпага. Как только он увидел, что его оружие находится на расстоянии его руки, то, не переставая повторять слова молитвы за Коконнасом, он протянул руку, чтобы схватить его. Коконнас не подал виду, что заметил его движение. Но в ту минуту, когда молодой человек своими судорожно сжатыми пальцами старался ухватиться за рукоятку шпаги, он бросился на него, опрокинул и, проговорив: «А, предатель!» — погрузил в его горло кинжал.

Молодой человек вскрикнул, конвульсивно приподнялся и упал мертвый.

— А! Убийца! — прорычал Меркандон.— Ты убиваешь нас, чтобы овладеть тем золотом, которое ты нам должен.

— Клянусь честью — нет! — сказал Коконнас.— И вот вам доказательство!..— Произнося эти слова, Коконнас бросил к ногам старика кошелек, который перед отъездом вручил ему отец, чтобы расплатиться с его кредитором.— Доказательство,— продолжал он,— ваши деньги!

— А вот твоя смерть! — крикнула из окна мать.

И, прежде чем Коконнас успел повернуть голову, чтобы избежать угрозы, как тяжелая каменная глыба со свистом прорезала воздух,

расплющила шляпу пьемонтца, сломала шпагу, бывшую у него в руке, и опрокинула его на землю, пораженного, оглушенного и потерявшего чувство настолько, что он не слышал ни крика радости, ни крика отчаяния, раздавшихся одновременно справа и слева.

Меркандон бросился с кинжалом в руке к бесчувственному Коконнасу. Но в эту минуту отворилась дверь во дворце Гизов, и старик, увидав засверкавшие шпаги, убежал. Между тем та дама, которую он называл герцогиней, прекрасная какой-то грозной красотой, сверкавшей при зареве пожара и блеске драгоценностей и бриллиантов, наполовину высунулась из окна и крикнула людям, вышедшим из дворца, указывая рукой на Коконнаса:

— Там, там! Против меня; дворянин в красном камзоле. Он самый, он самый, да, да!

Х

СМЕРТЬ, ОБЕДНЯ ИЛИ БАСТИЛИЯ

Маргарита, как мы уже сказали, заперла снова дверь и вернулась в свою комнату. Но, когда она возвращалась, дрожа от страха, она заметила Жийону, которая, наклонившись у двери кабинета, с ужасом рассматривала следы крови на кровати, мебели и ковре.

— Ах, ваше величество! — воскликнула она, заметив королеву. — Ах, неужели он умер?

— Тише! — произнесла Маргарита повелительным голосом.

Жийона замолчала.

Тогда Маргарита вытащила из мешочка маленький золоченый ключик, отперла дверь кабинета и указала пальцем своей камеристке на молодого человека.

Де Ла Молю удалось подняться и дотащиться до окна. Ему попался под руку маленький кинжал, и он схватил его, услышав, как отворялась дверь.

— Не бойтесь, — произнесла Маргарита, — потому что, клянусь вам, вы в безопасности.

— Ах! — воскликнул де Ла Моль, падая на колени. — Вы для меня более чем королева, вы — божество.

— Не волнуйтесь, — воскликнула Маргарита, — у вас все еще идет кровь... Куда вы ранены?

— Ваше величество, — сказал де Ла Моль, страдая от боли, — мне кажется, что первый удар кинжала был нанесен мне в плечо, а второй — в грудь; на другие раны не стоит обращать внимания.

— Мы посмотрим, — сказала Маргарита. — Жийона, принеси мою шкатулку с бальзамами.

Жийона исполнила приказание и вернулась, держа в одной руке шкатулку, а в другой — серебряный позолоченный кувшин и кусок тонкого голландского полотна.

— Помогите мне приподнять его, Жийона, — сказала королева Маргарита, — потому что, пытаясь встать сам, несчастный лишился остатка сил.

— Но я смущен, — протестовал де Ла Моль, — я не могу допустить, право...